

Вячеслав Звягинцев

ВОЙНА НА ВЕСАХ ФЕМИДЫ

Война 1941—1945 годов в материалах
следственно-судебных дел.

Книга 2

Вячеслав Звягинцев

**Война на весах Фемиды. Война
1941—1945 гг. в материалах
следственно-судебных дел. Книга 2**

«Издательские решения»

Звягинцев В.

Война на весах Фемиды. Война 1941—1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. Книга 2 / В. Звягинцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857062-9

Война — это не только героические подвиги. Не только кровь, но и грязь. Насилие, бандитизм, мародерство — все это непременные атрибуты войны, ее неизбежная оборотная сторона. Или, другими словами — ее изнанка. Ранее она не была предметом исследований, поскольку недоступны были первоисточники — постановления следственных органов и приговоры военных трибуналов.

ISBN 978-5-44-857062-9

© Звягинцев В.
© Издательские решения

Содержание

Книга 2. Изнанка войны	6
Предисловие к книге 2	6
Глава 1. Символы и мифы войны	7
1. «Умираю, но не сдаюсь»	7
2. «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!»	11
3. «Нас двести миллионов. Всех не перевешаете»	17
4. В списки части «зачислить навечно»	20
5. Личный враг Гитлера	22
Глава 2. За гибель кораблей – к ответу	28
1. Единственно правильное решение	28
2. «Корабль считать погибшим»	31
3. Почему память подвела адмирала Головкин?	34
4. 8 августа 1941 года	36
5. Судьба лейтенанта Германа	38
Глава 3. Искупление кровью	41
1. Исполнение приговора отсрочить, разжаловать в рядовые	41
2. Дисциплинарные, штурмовые, штрафные...	44
3. В прорыв идут штрафные батальоны	48
4. Заградотряды	49
5. Штрафные эскадрильи	52
Глава 4. Изнанка войны	56
1. «Нальем по чарочке, по нашей фронтовой...»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Война на весах Фемиды Война 1941—1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. Книга 2

Вячеслав Звягинцев

© Вячеслав Звягинцев, 2017

ISBN 978-5-4485-7062-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 2. Изнанка войны

Предисловие к книге 2

Тех, кто уже ознакомился с содержанием книги 1, нет необходимости убеждать в том, что лик войны жесток, ужасен, непригляден. И эмбрионы преступности размножаются на войне намного быстрее, чем в мирные годы. Война – это не только героические подвиги, бесстрашие, преодоление и жертвенность. Это не только кровь, но и грязь. Тяжелейшие экстремальные условия военного времени обнажают низменные проявления людей, порождают всплеск уголовной преступности. Насилие, бандитизм, мародерство – все это неперенные атрибуты войны, ее неизбежная оборотная сторона. Или, другими словами – ее изнанка. Ранее она не была предметом исследований, поскольку недоступны были первоисточники – постановления следственных органов и приговоры военных трибуналов.

К сожалению, любой эпизод минувшей войны – будь то оборона Брестской крепости или, например, окружение наших войск под Вязьмой – можно рассматривать через следственно-судебную призму и оценивать его на весах Феиды...

Между тем, у войны есть не только изнанка. Есть и фасад, с которого мы и начнем наш рассказ. Это главные военные символы проявленного на войне героизма и жертвенности. История так распорядилась, что к описанию этих символов тоже можно добавить по несколько штрихов, основываясь на материалах архивных следственно-судебных дел.

В. Звягинцев. 2017

Глава 1. Символы и мифы войны

1. «Умираю, но не сдаюсь»

Сегодня о героическом сопротивлении защитников Брестской крепости знает каждый. Но так было не всегда. О том, что в первый же день вероломного вторжения отборные фашистские войска обломали у стен этой цитадели зубы, встретив ожесточенное сопротивление, большинство советских людей узнали лишь во времена хрущевской «оттепели». Узнали, благодаря писателю-фронтовику Сергею Сергеевичу Смирнову. До него в газетах и журналах уже было несколько публикаций¹, но он провел поистине титаническую исследовательскую работу, возвратив из небытия имена подлинных героев, получивших после этого всенародное признание.

В свое время С. С. Смирнов был очень популярным в стране человеком. Помню его потрясающие рассказы о неизвестных героях. Когда они транслировались по телевизору, вся страна буквально замирала у черно-белых экранов. На наших глазах С. С. Смирнов творил историю – по крупицам восстанавливал неизвестные страницы войны...

Крепостью фашисты планировали овладеть с ходу, воскресным утром 22 июня 1941 года. Задачу эту поставили перед 45-й пехотной дивизией и поддерживавшими ее огнем артиллерийскими и авиационными частями. Эта фашистская дивизия без особого труда, всего за несколько дней, оккупировала Варшаву и Париж. Но цитадель оказалась ей не по зубам. Героический гарнизон, отрезанный от остального мира, лишенный воды и продовольственных запасов, не собиравшийся сдаваться врагу. В течение первого дня войны немецкая дивизия потеряла при штурме Брестской крепости 21 офицера, 290 унтер-офицеров, много солдат.

«Умираю, но не сдаюсь». Эти слова, нацарапанные слабеющей рукой одного из бойцов, оборонявших Брестскую крепость, лишь через пятнадцать лет после Победы стали символом бесстрашия, героизма и нестигаемой стойкости защитников Родины. А до этого о первой драматической боевой странице истории Великой Отечественной войны не было известно практически ничего. Генерал-майор И. С. Лазаренко, о судьбе которого рассказано в книге 1 – не единственный встретивший войну в Бресте командир, которых еще в 1941 году отдали под суд военного трибунала за паникерство, трусость, оставление без боя своих позиций или развал фронта. А немногие из тех, кто остался в живых, хранили молчание. Молчание, впрочем, было легко объяснимым – защитники крепости, побывавшие в немецком плену и освобожденные или бежавшие из него, оказались затем в советских фильтрационных лагерях, были отправлены в штрафные части, а после Победы – на принудительные работы в строительные батальоны.

В предисловии к своей книге «Брестская крепость» С. С. Смирнов писал: «Десять лет назад Брестская крепость лежала в забытых заброшенных развалинах, а вы – ее герои-защитники – не только были безвестными, но, как люди, в большинстве своем прошедшие через гитлеровский плен, встречали обидное недоверие к себе, а порой испытывали и прямые несправедливости»².

Пришлось повоевать в штрафных и штурмовых частях побывавшим в плену: командиру батальона 333-го стрелкового полка старшему лейтенанту А. Г. Мамчику (в 13-м отдельном штурмовом стрелковом батальоне 3-го Белорусского фронта) и командиру 2 пулеметной роты того же полка лейтенанту Н. В. Шмелеву (в 8-й отдельной штрафной роте 10-й армии, погиб 25 октября 1943 года). После освобождения из плена воевали в армейских штрафных ротах

---

¹ Очерк М. Толченова «Год тому назад в Бресте» в газете «Красная Звезда» от 21 июня 1942 г.; в 1948 г. – статьи Н. Красовского «Героическая оборона в Бресте» в журнале «Беларусь», М. Златогорова «Брестская крепость» в журнале «Огонек» и др.

² Здесь и далее цит. по книге – Смирнов С. С. Брестская крепость. М. Раритет. 2000.

рядовые И. К. Беляев и В. И. Сидоренко из 132-го отдельного батальона конвойных войск НКВД, И. В. Кузнецов (333-й стрелковый полк), Н. И. Пашеников (455-й стрелковый полк). Все они, кроме И. В. Кузнецова, погибли на фронте.

Один из самых известных героев Брестской крепости – командир 44-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии майор П. М. Гаврилов, награжденный в 1957 году звездой Героя Советского Союза. После освобождения из плена в мае 1945 года он по результатам проверки в фильтрационном лагере НКВД был исключен из партии. Некоторые авторы утверждали, что Гаврилов тоже отсидел десять лет в лагере. Но это не соответствует действительности³. А вот многие другие защитники крепости были осуждены.

По данным исследователя обороны Брестской крепости подполковника запаса Ю. В. Фомина⁴ еще в годы войны были осуждены:

начальник артиллерии 333-го стрелкового полка капитан В. Я. Ковязин – в феврале 1942 года приговорен Особым совещанием при НКВД СССР по ст. 193—9 п. «а» УК РСФСР (самовольное оставление части) к 8 годам лишения свободы;

рядовой музыкантского взвода 125-го стрелкового полка А. К. Дубина – в сентябре 1944 года, после освобождения из плена, осужден военным трибуналом 1-го Белорусского фронта за измену родине по ст. 58—1 п. «б» УК РСФСР к 10 годам лагерей;

рядовой 125-го стрелкового полка И. А. Ртвеладзе – в апреле 1943 года приговорен военным трибуналом Пятигорского гарнизона по ст. 58—1 п. «б» УК РСФСР к 10 годам лагерей;

командир стрелкового взвода 333-го стрелкового полка лейтенант А. М. Шишалкин – в августе 1942 года осужден Особым совещанием по ст. 58—1 УК РСФСР на 10 лет лагерей.

После войны из числа военнослужащих, защищавших Брестскую крепость, были осуждены:

политрук роты Н. К. Санджиев – 8 декабря 1945 года приговорен Алтайским краевым судом по ст. 58—10 ч. 2 УК РСФСР (антисоветская агитация) к 5 годам лишения свободы;

начальник Брестского военного госпиталя военврач 2 ранга Б. А. Маслов — в октябре 1948 года по приговору военного трибунала осужден по ст. ст. 58—1 и 58—10 УК РСФСР на 20 лет лишения свободы (умер в лагере в 1952 году)

писарь штаба 84-го стрелкового полка рядовой А. М. Филь – после освобождения из плена был осужден на 6 лет лагерей как «власовец»⁵;

техник-смотритель военных зданий того же полка рядовой П. Г. Моршнев – в октябре 1949 года был осужден военным трибуналом Приволжского военного округа по ст. 58—1 п. «б» УК РСФСР к 20 годам лагерей;

воспитанник музыкантского взвода 333-го стрелкового полка П. С. Клыпа – в мае 1949 года осужден военным трибуналом Брянского гарнизона по ст. ст. 107 (спекуляция) и 59—3 УК РСФСР (бандитизм) на 25 лет лишения свободы;

ветфельдшер 84-го стрелкового полка А. Т. Агагулян и заместитель политрука того же полка старшина С. М. Матевосян в послевоенные годы были осуждены за уголовные преступления корыстной направленности.

О Самвеле Минасовиче Матевосяне, с именем которого связана самая первая страница героической обороны крепости, и о роли писателя С. С. Смирнова в его судьбе – наш дальнейший рассказ.

С. С. Смирнов писал о контратаке, организованной С. М. Матевосяном: «Это был первый серьезный удар по противнику – Матевосян и его бойцы уничтожили отряд автоматчиков,

³ Подробнее об этом в книге – Звягинцев В. Е. Трибунал для героев. Олма-пресс. 2005.

⁴ Фомин Ю. В. Защитники Брестской крепости. Кто Вы? (материал размещен на форуме поисковых движений -<http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=1544.1080>).

⁵ Ю. В. Фоминым приведены фамилии более 10 военнослужащих, которые, оказавшись в плену, перешли на немецкую службу или в РОА.

прорвавшийся в центр цитадели. С этого удара, собственно говоря, и начинается героическая оборона Брестской крепости».

А. М. Филь в одном из своих писем сообщил С. С. Смирнову, что вскоре после этого Матевосян был тяжело ранен, отнесен в подвалы крепости и там скончался.

Однако Матевосян не погиб. 24 июня он действительно получил тяжелое ранение и был перенесен в подвал здания Инженерного управления, где 5 июля 1941 года был захвачен в плен, но вскоре бежал. Он продолжал бить врага в партизанском отряде, а в 1944 году снова был мобилизован в Красную армию и дошел до Берлина. Утверждают, что Матевосян в конце войны был даже представлен к званию Героя Советского Союза, но представление не прошло все инстанции по причине его нахождения в немецком плену.

Журналисту Я. Юферевой С. М. Матевосян рассказывал: «Не жизнь была после войны, а наказание. Бывшим пленным нигде работу не давали. Поехал в Москву, один большой начальник-фронтовик помог устроиться в геологоразведочную экспедицию. У меня собачий нюх. Из 28 разведанных выработок 19 дали положительный результат. А у геолога даже если на 20 экспедиций одна дает положительный результат, и то счастье»⁶.

В 1954 году Матевосяна разыскал в Ереване С. С. Смирнов. В эти годы он возглавлял изыскательскую геологическую партию, занимавшуюся разведкой полезных ископаемых в горах Армении. В беседах они провели немало времени, потом побывали в Бресте. В своей книге «Брестская крепость» писатель посвятил Матевосяну одну из первых глав, которая так и называется «Инженер Самвел Матевосян».

Сам Матевосян тоже написал воспоминания о первом бое у стен крепости: «...Как только стало известно, что немцы находятся в центре крепости, комиссар Фомин приказал организовать ударную группу, атаковать противника, а частью сил занять оборону в Белом дворце (здание Инженерного управления – авт.) и ждать подкрепления. Наш 84-й полк по праву считался комсомольским, так как более 90% личного состава его составляли комсомольцы. Я обратился к присутствующим товарищам, напомнил им, что настал час выполнения воинского долга, что именно сейчас Родина ждет от нас верного исполнения нашей присяги. И как только раздалась команда, буквально все выбежали вперед, в атаку, и тут, на рассвете 22 июня, я впервые увидел силу русского штыка. Когда мы прорвались к Белому дворцу, немецкая группировка, вооруженная автоматами и пулеметами, была расколота на две части, и в рукопашной схватке многие наши бойцы показали истинный героизм. Героически погибли в то утро старшина Михайловский, заместитель политрука Иванов, рядовой Цибуля, Виноградов и многие другие. К концу первой атаки у наших бойцов в руках находились уже немецкие автоматы и пулеметы. В последующий период обороны зачастую приходилось воевать немецким оружием, которое добывали в кровопролитных боях, ибо склады боеприпасов, в результате интенсивной бомбежки врага, почти все были взорваны...»⁷.

Далее Матевосян писал, что на третий день войны, когда отбивали очередную фашистскую атаку, осколок немецкого снаряда вырвал ему часть бедра. Товарищи перенесли его в подвал, где он и был пленен через десять дней.

Предоставим слово С. С. Смирнову: «Гитлеровцы отправили его в лагерь для военнопленных, который они организовали в Южном военном городке Бреста. В этом лагере, где ежедневно умирали сотни людей, тем не менее, был свой госпиталь, в котором наши же военнопленные врачи лечили раненых бойцов и командиров. Матевосян пробыл там три месяца и, как только рана его немного зажила и он смог ходить, сейчас же начал готовить побег. Глубокой осенью 1941 года шестеро пленных бойцов и командиров, переодевшись в гражданскую

⁶ Очерк Я. Юферевой «Борьба с героем» в газете Trud.ru №112 от 21 июня 2000 г.

⁷ Воспоминания С. М. Матевосяна хранятся в Музее героической обороны Брестской крепости. Оп. 84. Д. 36. Лл. 5—14 (Героическая оборона. Сборник воспоминаний об обороне Брестской крепости в июне-июле 1941 г. Минск. Госиздат БССР. 1963).

одежду, ночью подползли под колючую проволоку, ограждавшую лагерь, и ушли в окрестные леса. Вскоре после этого Матевосян оказался в рядах партизанского отряда, который действовал на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. Он участвовал в боевых операциях партизан и во время одной стычки с гитлеровцами был снова тяжело ранен. Уходя от карателей, партизаны оставили его до выздоровления в украинской деревне, в крестьянской семье. Там Матевосян поправился; потом ему пришлось скрываться от полицаев, и в конце концов он пришел в город Луцк, где устроился работать в артель по ремонту обуви и вскоре связался с луцкими подпольщиками. А когда в начале 1944 года Советская Армия подошла к Луцку, подпольщики подняли восстание в центральных кварталах, дезорганизовали этим оборону противника и помогли нашим войскам овладеть городом. После этого Матевосян был направлен на офицерские курсы, вскоре закончил их и снова вернулся на фронт уже в звании лейтенанта и в должности командира гвардейской штурмовой роты. Больше года Матевосян сражался на фронте, пройдя с этой гвардейской ротой славный боевой путь. Он был еще трижды ранен, получил два ордена – Отечественной войны и Красной Звезды, участвовал в штурме Берлина и закончил войну, расписавшись на стене Рейхстага».

Можно предположить, что при возвращении в ряды Красной Армии Матевосяну пришлось плотно пообщаться с работниками особого отдела, поскольку штурмовые части, созданные на основании директивы Сталина от 1 августа 1942 года, формировались только за счет вышедших из окружения или побывавших в плену командиров и политработников, то есть лиц, запятнавших этим, по мнению Сталина, свое имя. Таким образом, Верховный главнокомандующий давал им шанс для искупления вины...

Между тем, труды С. С. Смирнова принесли свои плоды. Цитадели вскоре присвоили звание «Крепость-герой». Было поддержано предложение писателя сделать 9 мая нерабочим днем. Многие защитники крепости получили награды, двое из них – П. М. Гаврилов и А. М. Кижеватов (посмертно) – стали Героями Советского Союза. Посмертно были награждены также Е. М. Фомин, И. Н. Зубачев, В. В. Шабловский, Н. В. Нестерчук, А. Ф. Наганов. Ордена боевого Красного Знамени вручили А. А. Виноградову, П. П. Кошкарову и другим бойцам. Не обошли наградой и С. М. Матевосяна, который через несколько лет стал еще и Героем Социалистического труда.

Повлияло ли проведенное С. С. Смирновым исследование на его награждение Золотой Звездой? Скорее всего, да – оно подтолкнуло соответствующие инстанции к принятию этого решения. Хотя нельзя отрицать, что и на геологическом поприще, за что собственно ему и дали Героя, Матевосян достиг многого. Достаточно заглянуть в ереванский музей истории, где экспонируется вещественное доказательство его геологических изысканий – уникальный золотой самородок в форме льва. Или – посмотреть документальный фильм Г. А. Баласаняна «Тайна золотой горы», снятый им в 1968 году на Ереванской киностудии. В этом фильме подробно рассказано о геологической группе С. М. Матевосяна, вдохнувшей вторую жизнь Зодские (Сотские) золотые прииски в Армении. Благодаря его усилиям, вместо консервации, месторождение признали перспективным...

Через пятнадцать лет после июньских боев 41-го года многие защитники крепости вновь побывали в Белоруссии. Их ожидали радушные приемы и многочисленные митинги. Героев везде встречали цветами и бурными овациями. А после грандиозного десятилетия митинга на городском стадионе Бреста многотысячная толпа хлынула на поле и Самвел Матевосян, подхваченный десятками рук, взлетел над головами людей. Его имя часто мелькало на страницах газет, матевосяна приглашали на торжественные мероприятия и встречи. Многие известные люди считали за честь с ним познакомиться. Но тогда же появились завистники и недоброжелатели. Поползли сплетни, что Матевосян присвоил себе документы настоящего защитника крепости с той же фамилией, погибшего на третий день войны. Партийная комиссия завела персональное дело, которое затем переросло в уголовное...

Книга «Брестская крепость» – венец титанической работы С. С. Смирнова – в 1964 году была удостоена Ленинской премии. Но затем произошло неожиданное – об этой книге по указанию партийных инстанций было приказано забыть. В 1975 году переизданием «Брестской крепости» занималось Волго-Вятское книжное издательство. Но за пределы полиграфического комбината она не вышла. Весь тираж, составлявший 130 тысяч экземпляров, пустили под нож. А тяжело больному к тому времени писателю предложили внести в книгу существенные изменения и убрать из нее отдельные главы, в том числе упомянутую главу «Инженер Самвел Матевосян». Лишь при таком условии ему обещали, что книга может остаться в планах других книжных издательств. Но С. С. Смирнов отказался. И уникальная книга, как говорил известный поэт Евгений Долматовский, оказалась пропавшей без вести. В 1988 году он написал в «Литературной газете» очерк, который так и назывался – «Книга, пропавшая без вести». Долматовский называл ее своеобразным учебником справедливости и требовал вернуть «Брестскую крепость» читателям без подчисток и купюр. На это ушло полтора десятка лет. Книга была переиздана только в 2000 году. В предисловии к ее новому изданию сын писателя Константин Смирнов писал: «...за год до смерти отец пришел домой с серым, в одночасье постаревшим лицом – из Горького сообщили, что в Волго-Вятском издательстве рассыпали набор „Брестской крепости“, а отпечатанный тираж пустили под нож – всякое упоминание о якобы провинившемся С. Матевосяне требовали из книги убрать».

О том, за что именно герой Брестской крепости и Герой Социалистического Труда С. М. Матевосян после нескольких анонимок был разжалован в «негерои», написала в своем очерке Я. Юферова: «В одночасье его жизнь рухнула под персональным делом, возбужденным по анонимному письму. „Директор Соткского золотодобывающего рудника С. М. Матевосян присвоил себе документы героя Брестской крепости, погибшего на третий день войны“. Далее шла ссылка, как приговор, на только что вышедший IV том Большой Советской Энциклопедии. Он поехал из Еревана в Брест, нашел людей, которые его знали. Они и подтвердили комиссии партийного контроля при ЦК КПСС, что знаменитый армянский геолог, разведывавший уникальное золотое месторождение, и зам. политрука Матевосян, который служил добровольцем в Красной армии с 1939 года, а потом тяжело раненным попал в плен к немцам, это и есть один и тот же человек... Чужой успех люди выносят с трудом. А то и вовсе не выносят. Не прошел номер с „липовым героизмом“, началось дачное дело. При строительстве дома в Аштараке Матевосян злоупотребил служебным положением, приобретал стройматериалы не по розничным, а по фондовым ценам, чем „нанес государству материальный ущерб на 641 рубль 19 копеек“. Его исключили из партии, лишили звания Героя Соцтруда и приговорили к шести месяцам лишения свободы. Упоминание имени Матевосяна стало крамолой. Долгие годы он добивался своей реабилитации»⁸.

Уголовное дело, заведенное в отношении С. М. Матевосяна, было прекращено за отсутствием состава преступления только в 1987 году. А в 1996-м ему возвратили Звезду Героя.

2. «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!»

Подвиг 28-ми героев-панфиловцев, противостоявших 16 ноября 1941 года у разъезда Дубосеково фашистским танкам – один из главных символов страны. Имена героев увековечены в памятниках и литературных произведениях, упоминаются в гимне Москвы. В 2016 году вышел на экраны страны художественный фильм «Двадцать восемь панфиловцев».

По официальной версии 28 бойцов из 4-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка 316-й панфиловской дивизии бесстрашно встретили в этот день удар 50 вражеских танков, рвавшихся по Волоколамскому шоссе к Москве, уничтожив 18 из них и остановив вражеское

⁸ Очерк Я. Юферовой «Борьба с героем» в газете Trud.ru №112 от 21 июня 2000 г.

наступление на этом участке фронта. Обращение политрука В. Г. Ключкова к бойцам – «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!» – стало вскоре девизом защитников столицы. А погибшие панфиловцы были удостоены звания Героя Советского Союза.

Между тем, официальная трактовка этого подвига имеет мало общего с реальными событиями, произошедшими в ноябре 1941 года у разъезда Дубосеково. До сих пор остаются вопросы, на которые и сегодня нет однозначных ответов. Высказываются мнения, что бой у разъезда Дубосеково – это миф.

Скажем сразу – тогда действительно был совершен подвиг! Но массовый героизм проявили не двадцать восемь человек, погибших в том бою, а весь 1075-й стрелковый полк. Из одной только 4-й роты полегло не менее ста бойцов.

Из других вопросов, которые возникают в связи с официальной трактовкой исследуемых событий, назовем следующие.

Кто реально командовал группой «панфиловцев» – политрук Диев⁹, политрук Ключков или сержант Добробабин? Сколько на самом деле было уничтожено танков противника? Действительно ли фашистов удалось остановить у разъезда Дубосеково? И если да, то почему за оставление рубежа сняли с должностей командира и комиссара полка? Ну и наконец, – кто же конкретно участвовал в том бою, кто погиб и почему были убраны и заменены на другие фамилии двух «панфиловцев» – И. Е. Добробабина и Д. А. Кожубергенова?

Начнем с последнего вопроса.

Добробабин и Кожубергенов не погибли в том бою. Добробабин попал в плен, из которого бежал. Добравшись до малой родины – села Перекоп Харьковской области – добровольно поступил на службу в немецкую полицию и до августа 1943 года работал на фашистов в качестве полицейского. В июле 1948 г. был осужден военным трибуналом за измену Родине к 15 годам лагерей, с конфискацией имущества и лишением медалей. Военная коллегия Верховного Суда СССР 30 марта 1955 г. снизила ему срок наказания до 7 лет.

Д. Кожубергенов был арестован 2 мая 1942 года особым отделом за то, что, попав в окружение, «с оружием в руках был взят немцами в плен». Вероятно, по этой причине командованием 1075-го полка в наградной лист был включен другой Кожубергенов – Аскар (Алиаскар)¹⁰. Хотя он был мобилизован на фронт уже после боя у разъезда Дубосеково.

В поисках ответов на поставленные вопросы исследователь не может игнорировать архивные материалы органов военной юстиции. Речь идет не только о следственно-судебных делах в отношении И. Добробабина, Д. Кожубергенова, но и о материалах уголовного дела, которое было заведено в 1948 году. Оно так и называлось – «Дело о 28 героях-панфиловцах». Его расследовали работники Главной военной прокуратуры и органов госбезопасности. Кроме того, дополнительные расследования по этому делу пришлось проводить в 1967 и 1988—1989 годах – в связи с поступившими заявлениями о реабилитации Д. А. Кожубергенова и И. Е. Добробабина...

Сегодня достоверно установлено, что версия подвига о героях-панфиловцах, отличающаяся от того, что произошло в действительности, была предложена в 1941 году литературным секретарем «Красной Звезды» А. Ю. Кривицким и другими корреспондентами, писавшими на эту тему¹¹.

Так, 27 ноября 1941 года В. Коротеев опубликовал в «Красной Звезде» очерк «Гвардейцы Панфилова в боях за Москву», в котором описывался подвиг группы красноармейцев во главе с политруком Диевым: «Меткими выстрелами из противотанковых ружей они подбили

⁹ По версии журналистов политрук имел фамилию Ключков, но боец Бондаренко «перекрестил» его на украинский манер «Диевым», т.е. живым, «дейтельным» человеком.

¹⁰ Надзорное производство ГВП по делу Кожубергенова Д. А.

¹¹ Корреспонденты газеты «Известия» Г. Иванов, газеты «Красная звезда» В. Коротеев, газеты «Комсомольская правда» Д. Чернышев.

7 танков и остановили вражескую колонну. Разбившись на три группы, немецкие танки вновь пошли в атаку. Они окружили горсточку смельчаков с трех сторон. Танки подходили все ближе и ближе. Вот они у окопа – 47 танков против горсточки бойцов! Это был действительно неравный бой. Но не дрогнули гвардейцы. В танки полетели гранаты и бутылки с горючим. Загорелись еще три машины. Более четырех часов сдерживала группа бойцов пятой роты 54 немецких танка. Кровью и жизнью своей гвардейцы удержали рубеж. Они погибли все до одного, но врага не пропустили. Подошел полк, и бой, начатый группой смельчаков, продолжался. Немцы ввели в бой полк пехоты. Гвардейцы стойко отбивались, защищая позиции Диева. В результате боя противник потерял 600 солдат и офицеров и 18 танков...»¹².

Как видим, в очерке К. Коротеева речь шла не о 4-й, а о 5-й роте. Она тоже сражалась 16 ноября 1941 года героически. И политрук действительно личным примером вдохновлял бойцов – но не Диев, а Клочков. А треть бойцов из списка 28-ми на самом деле не погибла в том бою. Натаров и Шопоков были убиты раньше, Бондаренко – позже. Остались в живых – Васильев, Шемякин, Шадрин, Тимофеев, Кожубергенов и Добробабин. Четверо последних побывали в немецком плену.

Количество подбитых танков тоже вызывает обоснованные вопросы, поскольку ни в одном из боевых донесений не говорилось о 18-ти танках. Согласно этим донесениям и свидетельским показаниям командира полка, которые тоже разнятся, весь 1075-й стрелковый полк уничтожил в тот день от 5 до 9 танков. Наконец, фашистов остановить на этом участке обороны, видимо, не удалось. И именно за это командир полка и комиссар были отстранены от своих должностей. Хотя темпы наступления 2-й танковой дивизии Вермахта были значительно снижены.

Из опроса корреспондента Чернышева, проведенного следователем в 1948 году, видно, что его и Коротеева публикации были написаны со слов инструктора в штабе панфиловской дивизии, поскольку из-за тяжелых боев пробраться к месту событий и побеседовать с их непосредственными участниками не представлялось возможным. Когда же Чернышев попытался выяснить у инструктора фамилии героев, тот назвал лейтенанта Безвременного, старшего политрука Калачева и политрука Диева. Коротеев тоже признал, что на место боя не выезжал и информацию о нем получил от комиссара дивизии Егорова.

Таким образом, это были рядовые заметки рядовых фронтовых корреспондентов, которые, без выезда на передовую, получили информацию в штабе соединения. Это была обычная для того времени практика. Такие заметки практически ежедневно публиковались в газетах. Все изменилось после того как 28 ноября в «Красной звезде» была напечатана передовица «Завещание 28 павших героев». Готовили ее Кривицкий и главный редактор газеты Ортенберг. В этой статье впервые появилась цифра «28»...

Ортенберг писал, что, просматривая последние донесения политорганов, прочел в одном из них сообщение о бое у разъезда Дубосеково – двадцать девять бойцов во главе с политруком Диевым отражали атаку танков противника, из них двадцать восемь бойцов погибли как герои, задержав на четыре часа танки противника и уничтожив восемнадцать машин, а один боец струсил и был расстрелян своими товарищами. После этого он вызвал Кривицкого и попросил его написать передовую. К полуночи она была готова¹³.

Между тем, историки сомневаются, что эта цифра была взята Ортенбергом из политдонесения. В ходе следствия Коротеев показал: «Ортенберг меня ...спрашивал, сколько же было людей в роте, которая сражалась с немецкими танками. Я ему ответил, что примерно 30 человек. Таким образом, и появилось в передовой количество сражавшихся – 28 человек, т. к. из 30 двое оказались предателями. Ортенберг говорил, что о двух предателях писать нельзя

¹² Красная звезда, 27 ноября 1941 г.

¹³ Ортенберг Д. И. Июнь – декабрь сорок первого. М. Советский писатель. 1984. с. 281—283.

и, видимо, посоветовавшись с кем-то, разрешил в передовой написать только об одном предателе... В дальнейшем я не возвращался к теме о бое роты с немецкими танками; этим делом занимался Кривицкий, который первый написал и передовую о 28 панфиловцах...»¹⁴.

В конце 1941 года Кривицкий по поручению Ортенберга выехал в район Дубосеково, где встретился с командиром 4 роты капитаном П. М. Гундиловичем. Тот заявил, что храбро сражалась вся рота, но Кривицкого по понятным причинам интересовали только 28 фамилий. И Гундилович в присутствии командира 1075-го полка полковника И. В. Капрова «по памяти» назвал ему 28 бойцов, погибших в бою с немецкими танками. А 21 января 1942 года в «Красной Звезде» за подписью Кривицкого вышла публикация «О 28 павших героях». В ней впервые были перечислены имена героев и приведено приписанное политруку Ключкову крылатое выражение: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!».

Кривицкий, бесспорно, обладал литературным даром. Его проникновенные слова тронули сердца многих людей. Были составлены представления о присвоении погибшим панфиловцам звания Героев Советского Союза. 10 мая 1942 года их подписал командующий войсками Калининского фронта генерал-полковник И. С. Конев. А 28 мая и 13 июля того же года — командующий войсками Западного фронта генерал армии Г. К. Жуков.

Как уже сказано, списки героев не раз уточнялись. Одни фамилии вычеркивались, другие вносились, но в итоге всегда оставалось ровно 28 фамилий. Хотя уже тогда было ясно, что не совсем правильно выделять кого-то из бойцов этого героического полка, в том числе из 4-й роты капитана Гундиловича. Перед боем 16 ноября 1941 года рота насчитывала около 140 человек. А после боя в живых осталось около 30.

Командир 1075-го стрелкового полка полковник И. В. Капров, допрошенный следователем в мае 1948 года, дал следующие показания:

«С раннего утра 16 ноября 1941 г. немцы сделали большой авиационный налет, а затем сильную артиллерийскую подготовку, особенно сильно поразившую позицию 2-го батальона. Примерно около 11 часов на участке батальона появились мелкие группы танков противника. Всего было на участке батальона 10—12 танков противника. Сколько танков шло на участок 4-й роты, я не знаю, вернее, не могу определить. Средствами полка и усилиями 2-го батальона эта танковая атака немцев была отбита. В бою полк уничтожил 5—6 немецких танков, и немцы отошли... Около 14.00—15.00 немцы открыли сильный артиллерийский огонь по всем позициям полка, и вновь пошли в атаку немецкие танки. Причем шли они развернутым фронтом, волнами, примерно по 15—20 танков в группе. На участок полка наступало свыше 50 танков, причем главный удар был направлен на позиции 2-го батальона, т. к. этот участок был наиболее доступен танкам противника... В течение примерно 40—45 мин. танки противника смяли расположение 2-го батальона, в том числе и участок 4-й роты... из роты погибло свыше 100 человек, а не 28, как об этом писали впоследствии в газетах... В конце декабря 1941 г., когда дивизия была отведена на формирование, ко мне в полк приехал корреспондент „Красной звезды“ Кривицкий вместе с представителями политотдела дивизии Галушко и Егоровым... В разговоре со мной Кривицкий заявил, что нужно, чтобы было 28 гвардейцев-панфиловцев, которые вели бой с немецкими танками. Я ему заявил, что с немецкими танками дрался весь полк и в особенности 4-я рота 2-го батальона... Фамилии Кривицкому по памяти давал капитан Гундилович, который вел с ним разговор на эту тему...»¹⁵.

Есть и другие документальные свидетельства этого боя, в основном совпадающие с показаниями Капрова. Это его радиограмма, направленная вышестоящему командованию сразу после боя, донесение комиссара полка Мухамедьярова от 18 ноября 1941 года, донесе-

¹⁴ Справка-доклад Главного военного прокурора от 10 мая 1948 г. «О 28 панфиловцах» (ГА РФ. Ф. Р-8131).

¹⁵ Здесь и далее выдержки из показаний приводятся по материалам надзорных производств ГВП, в т.ч. по делу Добробабина И. Е., Кожубергенова Д. А.

ние начальника политотдела 316-й стрелковой дивизии Галушко в политотдел 16-й армии от 17 ноября 1941 года¹⁶. Из этих документов, помимо всего прочего, следовало, что 16 ноября позиции полка были смяты противником и его остатки отошли на новый оборонительный рубеж, за что Капрора и Мухамедьярова отстранили от занимаемых должностей¹⁷.

11 июня 1948 года Генеральный прокурор Г. Н. Сафонов докладывал (по результатам, изложенным в справке-докладе Главного военного прокурора от 10 мая 1948 г.) в ЦК ВКП (б): «Материалами произведенной проверки, а также личными объяснениями Коротеева, Кривицкого и редактора „Красной звезды“ Ортенберга установлено, что подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, освещенный в печати, является вымыслом корреспондента Коротеева, Ортенберга и в особенности Кривицкого»¹⁸.

В конце 80-х годов, после изучения всех архивных следственно-судебных дел и проведения дополнительной проверки, Главный военный прокурор вновь направил докладную записку в ЦК КПСС:

«... Обстоятельства описанного в газете «Красная Звезда» в ноябре 1941 г. и январе 1942 г. боя у разъезда Дубосеково 28 панфиловцев, возглавляемых политруком Клочковым и сержантом Добробабиным, с 54 фашистскими танками, из которых 18 было подбито, не соответствуют действительности и являются художественным вымыслом корреспондентов Коротеева, Кривицкого и главного редактора Ортенберга.

Как усматривается из показаний Коротеева, Кривицкого и Ортенберга, никто из них ни в одном из подразделений 1075 стрелкового полка до декабря 1941 г. не был и какими-либо достоверными сводками, проверенными донесениями об этом бое не располагал. О тяжелых боях с превосходящими силами противника им стало известно в конце ноября 1941 г. от комиссара дивизии, который сам не был очевидцем событий, но слышал об этом от других политработников, тоже не принимавших участия в боевых действиях...».

Вот так, руководствуясь пропагандистскими соображениями, газетчики создали миф, мало общего имевший с действительно имевшим место быть подвигом. Это дало основания бывшему Главному военному прокурору генералу А. Катусеву заявить: «Массовый подвиг всей роты, всего полка, всей дивизии безответственностью не совсем добросовестных журналистов приуменьшили до масштабов мифического взвода»¹⁹.

Сегодня кое-кто предпринимает попытки поставить под сомнение выводы военных следователей. И это уже не в первый раз. Хорошо помню, как в конце 80-х годов прошлого века Главная военная прокуратура и Военная коллегия Верховного суда СССР были подвергнуты беспрецедентной атаке со стороны средств массовой информации и «ветеранов войны и труда» с требованиями о полной реабилитации И. Е. Добробабина, восстановлении его в звании Героя Советского Союза, принесении публичных извинений за допущенный в отношении него «произвол» и даже применении репрессий в отношении тех, кто бросил на него тень²⁰.

В ходе проведенного в 1988—1989 годах по вновь открывшимся обстоятельствам расследования были в очередной раз²¹ детально изучены и проанализированы все обстоятельства

¹⁶ В этом донесении говорилось, что в боях 16 ноября 1941 г. 1075-й стрелковый полк, понеся большие потери, уничтожил 9 танков противника. Добробабин же в разные годы давал по этому поводу противоречивые показания. Он заявлял, что только лично подбил в бою 5—6 танков (в других интерпретациях — 4 танка и 3 бронемшины, «несколько танков», которые не считал). А весь его «взвод» только в начале боя поджег около 10 танков, а перед тем, как он «потерял сознание» — «вокруг нас горело 12 танков» (Военно-исторический журнал, 1990, №9, с. 75).

¹⁷ Лишь после того, как «Красная звезда» рассказала о подвиге 28 панфиловцев, а Кривицкий приехал в политотдел дивизии для составления поименного списка героев, Капоров и Мухамедьяров были восстановлены в должностях

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-8131.

¹⁹ Катусев А. Ф. Чужая слава. Военно-исторический журнал. 1990. №8—9.

²⁰ Начало этой кампании положили публикации И. Мясникова в «Московской правде» от 25 октября 1988 г. и историка Г. Куманева в газете «Правда» от 18 ноября того же года.

²¹ Ранее, в 1967 г. И. Е. Добробабин уже обращался в Главную военную прокуратуру с просьбой о реабилитации, но она

дела И. Е. Добробабина. Только по состоянию на 31 декабря 1988 года следователи установили и допросили 57 свидетелей, знавших его по периоду службы в полиции. Были проведены многочисленные очные ставки, изучены дополнительные архивные материалы. Следователи снова документально подтвердили факты фальсификации, допущенной журналистами, и попытались, с учетом новых данных, найти ответы на два основных вопроса:

Участвовал ли И. Добробабин 16 ноября 1941 г. в бою у разъезда Дубосеково?

Сотрудничал ли он с немцами и обоснованно ли осужден?

В заключении Главной военной прокуратуры от 17 августа 1989 года, составленном полковником юстиции А. И. Филимоновым, исчерпывающие ответы на эти вопросы имеются²². Хорошо знаю Александра Ивановича Филимонова как честного, принципиального и высокопрофессионального прокурорского работника. Поэтому, смею утверждать, что выводы, сделанные им в ходе проведенного расследования, являются беспристрастными и квалифицированными.

Дополнительное расследование показало, что 16 ноября 1941 года Добробабин принимал участие в отражении танковой атаки противника у разъезда Дубосеково. Он был засыпан в окопе землей и по сводкам считался погибшим. Поскольку рубеж панфиловцам отстоять не удалось, Добробабин очнулся уже на территории, захваченной врагом. Он был пленен и помещен в лагерь военнопленных, расположенный в г. Можайске. В начале 1942 года ему удалось бежать оттуда. Добравшись до родных мест, села Перекоп Харьковской области, он в июне того же года добровольно поступил на службу в немецкую полицию и до августа 1943 года работал на фашистов в качестве полицейского, начальника караульной смены, заместителя и начальника кустовой полиции указанного села. В частности, Добробабин непосредственно участвовал в отправке советских людей на принудительные работы в Германию, производил аресты и задержания граждан, нарушавших оккупационный режим, изымал имущество у сельчан в пользу немецких властей²³. А в августе 43-го, когда немцы начали отступать, Добробабин испугавшись ответственности, тоже ушел из родных мест в Одесскую область. Там, в марте 1944 года его во второй раз призвали в Красную армию. А в 1948 году он был осужден.

Нелегко сложилась судьба и у Д. Кожубергенова. Согласно заключению, составленному в июле 1942 года старшим следователем Особого отдела НКВД Западного фронта лейтенантом госбезопасности Соловейчиком, Кожубергенов в бою у разъезда Дубосеково участия не принимал. Вероятно, что это «признание» было сделано после допроса, произведенного с «пристрастием». Есть веские основания полагать, что Кожубергенов, являвшийся связным командира 4-й роты, в том бою участвовал, был контужен и в бессознательном состоянии попал в плен, из которого через несколько часов бежал. Узнав, что его считают погибшим героем, он, по-видимому, первым из выживших участников героического боя заявил о том, что не погиб. После этого его арестовали и доставили в Таганскую тюрьму. А затем направили в маршевую роту. В боях под г. Ржевом Д. Кожубергенов получил тяжелое ранение, долго леил, был демобилизован и вернулся в Алма-Ату.

И. Е. Добробабин и Д. А. Кожубергенов – люди трудной, трагической судьбы. Вряд ли они могут претендовать на роль главных героев-панфиловцев. Но их участие в бою, в той же, равной с другими бойцами 4-й роты степени, можно считать доказанным. И если содеянное панфиловцами названо подвигом, то его совершили и Иван Добробабин, и Даниил Кожубергенов.

была оставлена без удовлетворения.

²² Заключение ГВП от 17 августа 1989 г. хранится в надзорном производстве по делу Добробабина И. Е.

²³ Подробно это описано в упомянутом заключении ГВП от 17 августа 1989 г. (Приложение №1 к главе 1).

3. «Нас двести миллионов. Всех не перевешаете»

За годы войны 87 женщин стали Героями Советского Союза. Более половины из них – посмертно. Первой же, кто удостоился высшей в СССР степени отличия, была 18-летняя Зоя Анатольевна Космодемьянская. Указ о ее посмертном награждении состоялся 16 февраля 1942 года. Она стала символом мужества, бесстрашия, жертвенного служения Отечеству. И как это нередко бывает с символами, с ее именем связано немало мифов и домыслов. А еще, как минимум, четыре человека, имевших какое-то отношение к символу – были расстреляны по приговорам военного трибунала.

Некоторые из устоявшихся в нашем сознании стереотипов не соответствуют действительности. Например, еще в «Повести о Зое и Шуре»²⁴ было написано, что Космодемьянскую в момент поджога взял в плен часовой, охранявший конюшню с лошадьми. Со ссылкой на документы, подписанные уполномоченным ГКО на Западном фронте по диверсионной работе майором А. Спрогисом, долгое время считалось, что Космодемьянская погибла со словами: «Смерть фашистским оккупантам! Да здравствует социалистическая Родина! Да здравствует товарищ Сталин!». Затем с подачи писателя А. Жовтиса пытались внедрить в сознание людей версию, что Зою, задержанную при поджоге избы, местные жители избили и поехали в соседнюю деревню за немцами (поскольку в Петрищеве их не было) с тем, чтобы они защитили народ от произвола партизан. Развивая эту мысль в период «разгула демократии» некоторые дописали до того, что Космодемьянская – во-первых, террористка, воевавшая против собственного народа, а во-вторых – психически больной человек²⁵. Ну и наконец, отдельные исследователи заявили, что повесили в Петрищеве вовсе не Зою, а другую диверсантку. Так, историк Е. Сенявская (с 1999 г. – доктор исторических наук) писала, что это могла быть Лиля Азолина, Зоя же, возможно, не погибла, а попала в концентрационный лагерь.

Такого рода версии не имеют серьезной доказательной базы и являются надуманными. Сегодня те далекие события можно реконструировать с учетом обнародованных архивных документов (ранее секретных).

В частности, обстоятельства задержания Космодемьянской были предметом разбирательства в суде над комсоргом группы диверсантов В. Клубковым. Согласно материалам дела, он был схвачен немцами, перевербован и, после окончания диверсионной школы под Смоленском, заброшен в распоряжение наших частей. А вскоре арестован и по приговору военного трибунала Западного фронта от 3 апреля 1942 года расстрелян за измену Родине²⁶. Один из обвинительных пунктов гласил – за то, что предал Зою Космодемьянскую.

Итак, как все было?

Тактика выжженной земли начала применяться во исполнение секретных приказов и директив от 29 июня, 18 июля и 17 ноября 1941 года. Так, последним приказом №0428 диверсионным отрядам (факельным командам) прямо предписывалось уничтожать жилые дома с находившимися в них гитлеровцами – «выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом»²⁷. С этой целью несколько групп диверсантов-добровольцев были направлены за линию фронта. За неделю факельные команды сожгли 53 насе-

²⁴ Шура – это брат Зои – Александр Космодемьянский. Погиб на фронте и ему посмертно также присвоено в 1945 году звание Героя Советского Союза.

²⁵ Все надуманные версии о наличии у З. Космодемьянской психического заболевания подробно исследованы историком М. М. Гориновым (на сайте http://www.lrono.ru/statii/2008/gorin_zoya.php).

²⁶ Согласно приговору №389 по делу №540 бывший красноармеец войсковой части 9903 Клубков Василий Андреевич осужден к расстрелу по ст. 58—1 п. «б» УК РСФСР (измена родине); ЦА ФСБ РФ, арх. № Н – 16640.

²⁷ Приложение №2 к главе 1.

ленных пункта. К сожалению, после этого на лютom морозе оказывались не только немцы, но и местные жители.

В Верейском (ныне – Рузском) районе действовали две диверсионных группы, по десять человек в каждой. В состав первой входило шесть парней и четыре девушки. Среди них – Павел Проворов (командир), Василий Клубков, Вера Волошина, Зоя Космодемьянская. Второй группой командовал Борис Крайнов.

К моменту намеченной на 25 ноября встречи двух диверсионных групп, из двадцати человек осталось всего восемь. Были погибшие при обстреле, кто-то заблудился или отстал. Пятеро из встретившихся в лесу считали, что поставленная задача²⁸ их силами невыполнима, а поэтому надо возвращаться. Остальные – Борис Крайнов, Василий Клубков и Зоя Космодемьянская – решили объединиться, все-таки добраться до деревни Петрищево и выполнить задание.

Во 2 часу ночи 28 ноября группа вошла в Петрищево. Подожгли два жилых дома²⁹, рядом с которыми стояли немецкие автомашины. Бутылка с зажигательной смесью, которую бросил Клубков не взорвалась. И он, увидев приближающегося часового, пытался скрыться в лесу. Однако был задержан немцами и доставлен к старшему – подполковнику Рюдереру. Допросив Клубкова, он установил, где должны были встретиться диверсанты. После этого, задержали Зою. Вероятно, она, дожидаясь Клубкова у края леса, не дошла до условленного места встречи.

В рапорте Б. Крайнова на имя командования указывалось следующее: «28 ноября дошли до Петрищева и зажгли 4 дома, но на место сбора Клубков и Космодемьянская не явились. Ждал до утра».

Кто же задержал Зою? По всей видимости, партизанку схватили немцы. Но не без помощи местных. По некоторым данным, Зою заметил и предупредил немцев С. Свиридов³⁰, сарай которого она пыталась поджечь.

В течение нескольких часов Космодемьянскую водили из дома в дом, избивали, несколько раз выводили босиком на мороз.

Обратимся теперь к выдержкам из показаний В. Клубкова, которые он дал 10—11 марта 1942 года в ходе допроса, проведенного следователем особого отдела НКВД Западного фронта лейтенантом госбезопасности Сушко.

Вопрос: Какие показания вы дали офицеру немецкой армии?

Ответ: Как меня только сдали офицеру, он наставил на меня револьвер и потребовал, чтобы я выдал, кто вместе со мной прибыл поджигать деревню. Я при этом проявил трусость и рассказал офицеру, что нас всего пришло трое, назвав имена Крайнова и Космодемьянской. Офицер отдал на немецком языке какое-то приказание немецким солдатам, они быстро вышли из дома и через несколько минут привели Зою Космодемьянскую...

Вопрос: Что спрашивал офицер у Космодемьянской, и какие она дала показания?

Ответ: Как только привели Зою Космодемьянскую, офицер спросил, кто она и зачем пришла в дер. Петрищево? Зоя отвечать на вопросы отказывалась, офицер избил ее. Космодемьянская ответила, что она деревню не поджигала.

Вопрос: К вам офицер обращался за помощью в получении признания от Космодемьянской?

Ответ: После этого офицер обратился ко мне, и я уличил Космодемьянскую, что она пришла вместе со мной и подожгла южную окраину деревни. Я показал офицеру, что это действительно Космодемьянская Зоя, которая вместе со мной прибыла в деревню для выполнения диверсионных актов. Однако Зоя заявила, что она меня не знает.

---

²⁸ Конкретное задание группе П. Проворова было следующим – сжечь 10 населенных пунктов, в т.ч. дер. Петрищево.

²⁹ По другим данным – три дома и конюшню.

³⁰ С. А. Свиридов 4 июля 1942 г. военным трибуналом войск НКВД Московского округа приговорён к расстрелу.

Космодемьянская после этого на вопросы офицера не отвечала. Видя, что Зоя молчит, три офицера раздели ее догола и в течение 2—3 часов сильно избивали ее резиновыми палками, добываясь показаний. Космодемьянская заявила офицерам: «Убейте меня, я вам ничего не расскажу». Больше ее не видел...³¹.

Показания В. Клубков давал путанные, они не стыкуются с показаниями местных жителей. На этом основании историк М. М. Горинов высказал предположение, что объявлять Клубкова человеком, предавшим Зою, ошибочно. Он мог пойти на сотрудничество с немцами с целью попасть к своим, а следователи заставили его признаться в «предательстве». Кроме того, известно, что журналист Петр Лидов еще в годы войны (после изучения материалов уголовного дела С. А. Свиридова) пришел к выводу, что Клубков Зою немцам не выдавал.

Между тем, показания Клубкова подтверждают главное – в Петрицево действительно была схвачена Космодемьянская, а не другие девушки-диверсантки – Лиля Азолина или Вера Волошина. Зоя вела себя мужественно, выдержала все пытки. В целом эти показания согласуются со свидетельствами очевидцев истязаний, в том числе хозяйки дома Е. П. Ворониной. Она, в частности, утверждала, что схваченная немцами девушка называла себя Таней и отказывалась признать предъявленного ей для опознания Клубкова.

Возможно, именно это обстоятельство и породило впоследствии версию о том, что Таней могла быть Вера Волошина. Сегодня достоверно установлено, что 28 ноября Волошина была задержана немцами при аналогичных обстоятельствах и повешена в деревне Головково³².

Зою Космодемьянскую повесили в Петрицево на следующий день. На казнь фашисты согнали практически всех жителей деревни. В последние минуты жизни девушка выкрикнула совсем не те слова, о которых писал А. Спрогис. Вот они: «Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов. Всех не перевешаете. Вам отомстят за меня!.. Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь...».

Больше месяца тело Зои висело на площади. Под Новый год пьяные солдаты надругались над трупом, исколов его штыками. Лишь получив приказ об отступлении, виселицу спилили.

12 января (по другим данным 14 января) 1942 года в Петрицево вошло одно из подразделений 108-й стрелковой дивизии. А 27 января 1942 года корреспондент Петр Лидов поместил в «Правде» статью «Таня»³³. И. В. Сталин материал одобрил, после чего и был принят Указ о присвоении З. Космодемьянской звания Героя Советского Союза.

Надо сказать, что не все сельчане, присутствовавшие на казни, сожалели по этому поводу. После того как через село прошла линия фронта, часть домов была разрушена и сожжена. Оставшиеся в живых вынуждены были ютиться всего в нескольких избах. В сильные морозы страшно остаться без жилья. А Космодемьянская, в понимании местных жителей, лишала их последнего крова. По воспоминаниям очевидцев, сразу после задержания Зои, одна женщина вылила на нее в сених чугунок с помоями. Что ж, это было импульсивное движение забитой свалившимся на нее горем женщины. За содеянное она получила сполна³⁴. Но разве можно сравнить эти помои с теми ушатами грязи, которые в постперестроечные времена вылили на Зою Космодемьянскую некоторые писаки, пытавшиеся представить ее террористкой, воевавшей против собственного народа?

³¹ Дело №540 хранится в ЦА ФСБ РФ – арх. № Н – 16640.

³² Звание Героя России В. Волошиной было присвоено только в 1994 году.

³³ В тот же день в «Комсомольской правде» был опубликован материал С. Любимова «Мы не забудем тебя, Таня», а 18 февраля 1942 года Петр Лидов опубликовал в «Правде» еще одну статью – «Кто была Таня».

³⁴ Согласно материалам уголовного дела, рассмотренного в 1942 г. военным трибуналом войск НКВД Московского округа, в избении Космодемьянской участвовали А. В. Смирнова и Ф. В. Солина, имущество которых пострадало от поджогов. Смирнова 17 июня, а Солина 4 сентября были приговорены к высшей мере наказания.

Не вышло. Зоя выдержала и это испытание. Поэтому величие ее подвига сегодня ощущается еще рельефнее. Он измеряется не фактически причиненным Космодемьянской фашистам ущербом, а ее презрением к врагам, нравственным превосходством над ними, верой в Победу.

4. В списки части «зачислить навечно»

У нас есть еще один повод вспомнить о фашистах из 197-й немецкой пехотной дивизии, пытавших и казнивших Зою Космодемьянскую. 27 февраля 1943 года³⁵ в свой первый и последний в жизни бой с подразделениями этой дивизии вступил у деревни Чернушки под Великими Луками рядовой 91-й отдельной стрелковой бригады имени И. В. Сталина³⁶ Александр Матросов. Он подполз к фашистскому дзоту и своим телом закрыл амбразуру.

Первым о совершенном им подвиге написал в своем донесении агитатор политотдела бригады старший лейтенант Петр Волков, погибший в тот же день. Потом появилась запись в журнале боевых действий 6-го стрелкового корпуса за 27 февраля. А 19 июня 1943 года указом Президиума Верховного Совета СССР А. М. Матросову было присвоено звание Героя Советского Союза. Так он стал еще одним символом героического самопожертвования во имя Родины. Поэтому вокруг его имени со временем тоже стали рождаться мифы и мало на чем основанные версии. И в наши дни кто-то продолжает сомневаться в реальности этого акта самопожертвования, ставить под сомнение его целесообразность и необходимость. Один из них, историк Б. Соколов, в обоснование своей версии произошедшего привлек даже законы физики, безуспешно пытаясь доказать, что по этим законам А. Матросов никак не мог закрыть телом пулеметную амбразуру³⁷. С этим утверждением Б. Соколова имело бы смысл полемизировать, если бы у А. Матросова не было побратимов. Но его подвиг многократно повторен в годы войны сотнями бойцов и командиров. Поэтому, по крайней мере неразумно оспаривать одновременно и их героические поступки, зафиксированные в донесениях и других боевых документах.

Писатель-фронтовик В. Кондратьев, одним из первых, в начале 90-х годов, поставивший под сомнение обстоятельства, при которых Матросов совершил свой подвиг, заявлял, помимо всего прочего, что тот воевал в составе штрафной роты. Это не соответствует действительности, хотя среди его побратимов действительно было несколько «штрафников», а сам Матросов до войны был судим. Утверждают также, что А. Матросов вовсе не был Матросовым. Так, по официальным данным А. М. Матросов родился 5 февраля 1924 года в городе Екатеринославле (ныне – Днепр). Однако, по версии Р. Насырова³⁸, А. М. Матросов на самом деле являлся Шакирьяном Мухамедьяновым, уроженцем башкирской деревушки Кунакбаево, жил с отцом Юнусом Юсуповым в большой бедности и попрошайничал по дворам. Потом вообще ушел из дома, стал беспризорничать и в итоге попал в детдом в Мелекессе (ныне – Димитровград) Ульяновской области, где впервые назвался Сашкой Матросовым³⁹.

Что ж, такое вполне могло быть. Однако доказательств для признания этой версии в качестве единственно верной, на мой взгляд, все же недостаточно. Тем более, что имеются и другие версии о месте его рождения. Так, по утверждению Н. А. Дубовик, А. М. Матросов родился в селе Высокий Колок (Зин-Овраг) Новомалыклинского района Ульяновской области⁴⁰. И тому

³⁵ В приказе Наркома обороны от 6 сентября 1943 г. №269 сказано, что подвиг совершен А. Матросовым 23 февраля 1943 г. Вероятно, с целью приурочить подвиг к двадцать пятой годовщине РККА.

³⁶ 91-я отдельная Сибирская добровольческая бригада сформирована в 1942 г. из сибиряков, в т.ч. «спецдобровольцев»; в апреле 1943 г. на базе 74-й и 91-й бригад сформирована 56-я гвардейская стрелковая дивизия.

³⁷ Соколов Б. Тайны второй мировой. М. Вече. 2001. с. 409.

³⁸ Насыров Р. Откуда ты родом, Матросов? Уфа. 1994.

³⁹ Парламентская газета от 08.05.2002 г. №965.

⁴⁰ Дубовик Н. А. Все равно я буду человеком: возвращение домой. Ульяновск: Качалин. 2016.

есть документальные подтверждения. А 4 мая 2017 года, накануне Дня Победы, рядом с автомобильной дорогой у этого села была установлена памятная стела.

Достоверно установлено, что в феврале 1938 года Саша Матросов был определен в Ивановский режимный детский дом, откуда в следующем году был отправлен в Куйбышев на вагоноремонтный завод, но вскоре оттуда сбежал. 8 октября 1940 года он был осужден народным судом 3-го участка Фрунзенского района города Саратова за нарушение паспортного режима. Суд определил А. М. Матросову по статье 192 УК РСФСР два года лишения свободы. Как следовало из приговора, он, несмотря на данную подписку о выезде из города Саратова в течение 24 часов, продолжал там проживать⁴¹. Судя по справке, составленной руководителями детской трудовой колонии НКВД БАССР, это была уже вторая судимость несовершеннолетнего Матросова. Ранее он попался на краже (статья 162 УК РСФСР).

Свой срок А. Матросов отбывал в Уфимской трудовой колонии с апреля 1941 года, откуда с началом войны начать писать письма с просьбами об отправке его на фронт. 23 сентября 1942 года руководство колонии выдало ему характеристику «для предъявления в РККА», в которой отмечалось, что он «зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны и работал на мебельной фабрике в качестве слесаря стахановскими методами». Кировский райвоенкомат гор. Уфы направил Александра в пехотное училище, расположенное в селе Краснохолм Чкаловской (ныне – Оренбургской) области, а оттуда он попал на фронт. Выпуск курсантов из училища должен был состояться в марте 1943 года. Но из-за тяжелого положения наших войск всех их еще в январе отправили рядовыми на фронт для пополнения поредевших в боях частей...

19 июня 1943 года Александру Матвеевичу Матросову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. А в сентябре появился подписанный Верховным главнокомандующим И. В. Сталиным приказ №269, которым он был навечно зачислен в списки 245-го гвардейского полка⁴².

В СССР это был первый случай зачисления навечно в списки воинской части. В приказе говорилось: «Великий подвиг товарища Матросова должен служить примером воинской доблести и героизма для всех воинов Красной Армии». И он действительно стал таким примером – символом бесстрашия и жертвенности во имя спасения Отечества. По разным данным его подвиг в годы Великой Отечественной войны повторили от 200 до 400 чел. Называются и более высокие цифры⁴³. Из них 134 человека удостоены звания Героя Советского Союза, многие – других государственных наград.

Установлено, что А. М. Матросов не был первым. До него 44 чел. закрывали своей грудью амбразуры вражеских дотов. Один из первых, документально подтвержденных случаев – подвиг, совершенный 24 августа 1941 года политруком Александром Константиновичем Панкратовым. Произошло это под Новгородом, в ходе одного из боев, которые вел 125-й танковый полк 28-й танковой дивизии полковника И. Д. Черняховского. А. К. Панкратов входил в группу бойцов, штурмовавших Кирилловский монастырь, откуда фашисты корректировали огонь своих батарей. Израсходовав все патроны и гранаты, он закрыл своим телом вражескую амбразуру, после чего наблюдательный пункт врага был уничтожен.

16 марта 1942 года за совершение этого подвига А. К. Панкратов посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Такие подвиги оказывали колоссальное воздействие на бойцов. Историческая летопись военного времени донесла до нас удивительный случай массового самопожертвования бойцов, вдохновленных героическими поступками своих сослуживцев. 29 января 1942 года в одном

⁴¹ 5 мая 1967 года этот приговор был отменен судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда.

⁴² Текст приказа – Приложение №3.

⁴³ Военно-исторический журнал. №6—7, 1992. с. 22.

бою закрыли своими телами амбразуры дзотов сержант Иван Герасименко, рядовые Александр Красилов и Леонтий Черемнов⁴⁴.

Некоторые побратимы А. Матросова были направлены на фронт из лагерей и тюрем. Несколько человек совершили такой же подвиг в составе штрафных батальонов, вскоре после их осуждения военными трибуналами.

Один из них – Владимир Ермак, закрывший 19 июля 1943 года своим телом амбразуру вражеского дзота во время разведки боем на Синявинских высотах. Его имя высечено на одной из плит этого мемориала, а в г. Санкт-Петербурге и г. Минске в его честь названы улицы.

Согласно официальной версии, Владимир Иванович Ермак, 1924 года рождения, воевал с октября 1942 года рядовым стрелком 14-го отдельного стрелкового батальона 67-й армии Ленинградского фронта. На самом деле – это штрафной батальон.

Военную службу В. Ермак начал осенью 1942 года курсантом артиллерийского училища. В отличие от Матросова, ему дали возможность закончить шестимесячное обучение. В марте 1943 года он вышел из стен училища лейтенантом и был направлен в распоряжение командующего артиллерией Ленинградского фронта. В штабе его определили на должность командира взвода 272-го стрелкового полка 123-й стрелковой дивизии, которая в то время была выведена из-под Красного Бора в резерв, в район Лисьего Носа, и принимала новое пополнение. А вскоре произошел несчастный случай. По воспоминаниям ветеранов дивизии Ермак, чистивший в блиндаже свое оружие, по неосторожности произвел случайный выстрел. Пуля попала в находившегося рядом бойца.

9 июля 1943 года состоялось судебное заседание военного трибунала дивизии, который приговорил так и не побывавшего в бою молодого офицера к пяти годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях, с применением отсрочки исполнения приговора до окончания боевых действий. Приговор был подправлен военным трибуналом Ленинградского фронта и 15 июля 1943 года Ермак стал стрелком 14-го отдельного штрафного батальона командного и начальствующего состава (для офицеров). А через четыре дня группе бойцов этого батальона было поручено в районе 8-й ГЭС провести разведку боем с целью выявления огневых точек противника и захвата «языка». Бой был тяжелым и для обстрелянных бойцов. А девятнадцатилетнему парню, мучимому угрызениями совести в связи со столь неудачным началом своей военной службы, в этот день впервые довелось столкнуться с врагом. И Владимир Ермак сразу шагнул в бессмертие – израсходовав все боеприпасы, он бросился своим телом на пулеметную амбразуру. Через месяц его посмертно наградили орденом Красного Знамени, а в феврале 1944 года присвоили звание Героя Советского Союза.

5. Личный враг Гитлера

Командир подводной лодки «С-13» капитан 3 ранга Александр Иванович Маринеско навсегда останется в истории подводником №1. И еще – личным врагом Гитлера, у которого были веские причины включить его в число врагов Третьего рейха, а в стране объявить траур⁴⁵. Ведь даже катастрофа «Титаника», унесшая жизни 1517 пассажиров, по числу жертв не идет ни в какое сравнение с гибелью потопленной Маринеско огромной немецкой плавучей базы «Вильгельм Густлов», водоизмещением 25 484 тонны. Это был самый крупный военный транспорт, уничтоженный в годы войны нашими подводниками. Океанский «непотопляемый» гигант имел длину 208 метров, девять палуб, церковь, два театра, бассейн, гимнастический зал, несколько ресторанов и кафе с зимним садом и искусственным климатом. И даже личные

---

⁴⁴ Красная звезда. 20 февраля 1968 г.

⁴⁵ Факты объявления трехдневного траура и включения А. И. Маринеско в якобы существовавшую книгу личных врагов фюрера документально не подтверждены.

апартаменты Гитлера. Поэтому вполне вероятно, что, узнав о случившемся, фюрер пришел в бешенство и, по некоторым данным, приказал расстрелять начальника корабельного конвоя.

Беспрецедентную атаку этого лайнера, блестяще проведенную командиром легендарной подлодки в районе Штольпмюнде, не случайно назвали «атакой века». Причем, не мы, а англичане. 30 января 1945 года «С-13» уничтожила гордость немецкого кораблестроения. На борту корабля находилось около 10 000 чел. Причем, треть из них являлись командирами и членами экипажей подводных лодок⁴⁶. Маринеско буквально под носом у конвоя, несмотря на шторм, несколько часов преследовал огромный корабль, пока не выбрал удачную позицию для точного торпедного залпа.

Катастрофа длилась более часа. В 23 часа 04 минуты пораженный тремя торпедами лайнер затонул. Спасти удалось немногим. Подлодка А. И. Маринеско виртуозно ушла от преследования, хотя была прижата немцами к берегу и ощутила воздействие сброшенных в воду 240 глубинных бомб.

По воспоминаниям спасшихся очевидцев, несмотря на то, что капитан «Густлова» и его помощники пытались успокоить пассажиров, заявляя, что корабль сел на мель, паника стояла невообразимая. Толпы обезумевших людей металась по палубам. Спасательных шлюпок не хватало. К ним пробивались с оружием – старшие офицеры стреляли в младших, солдаты – в гражданских. Взрывом торпед замкнуло электропроводку, и перед погружением в пучину суперлайнер озарился ярким светом – от короткого замыкания на верхней палубе зажглась яркая иллюминация.

В том же походе, 9 февраля 1945 года, «С-13» удалось уничтожить еще один немецкий корабль водоизмещением 14660 тонн – «Генерал фон Штойбен», на котором находилось около 4 тыс. военнослужащих Вермахта, более половины из них – раненые.

«Залп, произведенный из кормовых аппаратов в 02 часа 50 минут, был исключительно метким. – вспоминал штурман лодки Н. Редкобородов – Попали в цель обе торпеды, взрыв был такой силы, что крейсер⁴⁷ затонул в течение считанных минут». На этот раз Маринеско дал «полный вперед!» и, пользуясь замешательством противника, ушел от преследования не погружаясь под воду.

Об «атаке века» написано немало книг. В то же время до недавнего времени мало кто знал, что в этот знаменитый полуторамесячный поход А. И. Маринеско отправился, находясь чуть ли не в статусе подследственного. По некоторым данным, суд над ним должен был состояться 5 января 1945 года, но был отложен до его возвращения из похода. Поэтому на «С-13» находился надзирающий политработник – капитан-лейтенант Б. С. Крылов.

«ЧП» случилось в канун Нового 1945 года в финском городе Турку. Версий и домыслов по этому поводу высказано немало. В политдонесении на этот счет отмечалось: «Капитан 3-го ранга Маринеско – член ВКП (б), дважды без разрешения командира дивизиона ходил в город Ханко, где пьянствовал и имел связь с финскими женщинами, за что предавался суду Военного Трибунала»⁴⁸.

Из других политдонесений следовало, что такие «загулы» А. И. Маринеско устраивал и раньше, в том числе – в декабре 1944 года. Партийная комиссия бригады 31 декабря 1944 года

⁴⁶ В исторической литературе количество и состав находившихся на лайнере людей, а также число погибших, существенно варьируются. Шведская газета «Афтонбладет» еще 20 февраля 1945 г. сообщала, что на борту «Вильгельма Густлова» находилось 9 тыс. чел., в том числе 3700 унтер-офицеров, выпускников школы подводного плавания, и 100 командиров подводных лодок, окончивших специальные курсы по управлению новыми подлодками. По другим данным – погибли 390 курсантов 2-й учебной дивизии подплава и 16 офицеров. Всего, по подсчетам Хайнца Шёна (одного из спасшихся), на борту лайнера находилось 10582 чел., погибло 9343. В романе-эссе лауреата Нобелевской премии Г. Грасса «Траектория краба» также говорится о 10 тыс. пассажиров.

⁴⁷ Сначала предполагалось, что это крейсер.

⁴⁸ Текст политдонесения №53 сс «О боевом походе ПЛ С-13 БПЛ КБФ и проведенной партийно-политической работе» (Приложение №4 к главе 1).

объявила А. И. Маринеско выговор с занесением в учетную карточку. Но он, судя по его собственному признанию, в тот же день отправился в очередной «загул» (причем, не в Ханко, а в г. Турку!?):

«Дело было в Турку под новый, сорок пятый год. Мы стоим в порту, живем на плавбазе. Лодка полностью готова к выходу в море, ждем приказа. Скука смертная, надоели все друг другу – дальше некуда. Мы с другом моим Петей Л.⁴⁹ решили пойти в город, там в гостинице жили знакомые ребята из советской контрольной комиссии, хотели встретиться с ними Новый год. Приходим, никого нет. Заходим в ресторан. Открыто, но в зале ни души. Мы в меру выпили, закусили, стали петь потихоньку украинские песни. Вдруг откуда ни возьмись хозяйка. Молодая, красивая, сразу видно – огонь-баба. Подсаживается к нам, заговаривает по-русски. Я ей мигаю: дескать, нельзя ли и моему другу составить компанию? Поняла, вызвала с этажа какую-то свою помощницу. И гуляем уже вчетвером. А затем забрали со стола спиртное, еще кое-чего и поехали на пятый этаж, где у нее собственный апартамент. Откровенно скажу, мы друг дружке по вкусу пришлись... Когда мы с повинной явились на базу, встретили нас сурово. Обоим грозил трибунал. Но потом обошлось. К комдиву пришла делегация от команды – с другим командиром в море идти не хотим. Комдив Орел понял настроение экипажа и я ушел в поход – искупать вину»⁵⁰.

Так что у капитана 1 ранга А. Е. Орла, похоже, действительно не было выбора. Он приказал командиру «С-13» срочно выйти в море и ждать дальнейших распоряжений. И добавил – без победы не возвращайся. 11 января 1945 г. подлодка взяла курс вдоль побережья острова Готланд в открытое море. После случившегося Маринеско просто обязан был «поймать удачу» и реабилитировать себя в этом походе...

После героического похода Маринеско скупой поздравил и дали орден Красной Звезды. Хотя комдив А. Е. Орел представил его к Звезде Героя.

А. И. Маринеско полагал, что полностью искупил все свои прошлые грешки. Но это было не так. И его понесло – самовольные отлучки, загулы, скандалы и конфликты участились.

А. Крон в упомянутой книге писал: «Больше всего его угнетало, что его старая вина не прощена и не забыта, и из упрямства отвечал на это новыми нарушениями дисциплины и нелепыми выходками. Тяга к алкоголю, объясняемая раньше простой распущенностью, принимала уже болезненный характер. Появились первые признаки эпилепсии. Пил и безобразничал уже больной человек. Только этим я объясняю, что Маринеско, всегда верный данному слову, дважды давал командованию и парткомиссии слово исправиться и дважды его не сдержал...».

31 мая 1945 года командир дивизиона капитан 1-го ранга А. Е. Орел вынужден был написать рапорт на имя командира бригады подлодок капитана 1-го ранга Курникова: «Командир Краснознаменной подводной лодки С-13 капитан 3 ранга Маринеско Александр Иванович по возвращении из боевого похода с 23.5 по 31.5.45 г. своими служебными обязанностями не занимается, пьет на корабле, на других базах, в городе и т. д., за что я просил Вас отстранить его от представления к награждению... Дальнейшее пребывание его в должности командира недопустимо. Его необходимо с корабля убрать, зачислить в распоряжение Военного совета КБФ, положить в госпиталь и лечить от алкоголизма или уволить в запас...»⁵¹.

На путь исправления герой-подводник так и не встал. «Загулы» продолжались. В августе Военным советом флота он был отстранен от должности командира подлодки. А в сентябре – «за халатное отношение к служебным обязанностям, систематическое пьянство и бытовую

⁴⁹ Командир плавбазы «Смольный» капитан 3 ранга П. Лобанов.

⁵⁰ Крон А. Капитан дальнего плавания. Советский писатель. 1984. с. 188—189.

⁵¹ Цит. по книге – Морозов М. Э., Свисюк А. Г., Ивашенко В. Н. Подводник №1 Александр Маринеско. Документальный портрет. 1941—1945. Центрполиграф. М. 2015. Документ №6.15.

распушенность» приказом наркома ВМФ снижен в воинском звании до старшего лейтенанта и зачислен в распоряжение Военного совета флота.

Александр Иванович добился приема у Н. Г. Кузнецова, который в это время находился в Ленинграде.

Николай Герасимович внимательно выслушал опального героя и, казалось, нашел компромиссное решение – назначить его командиром тральщика:

– Послужите год, проявите себя с самой лучшей стороны, и мы вернем вас на лодку.

Однако Маринеско уперся – тогда, демобилизуйте.

Около двух лет гражданской жизни он провел на воде, ходил помощником капитана на судах Балтийского морского пароходства – сухогрузах «Севан» и «Ялта». Оттуда его окончательно списали на берег в связи с ослаблением зрения.

Секретарь Смольнинского райкома партии Никитин, хорошо знавший Маринеско, нашел ему должность завхоза в Институте переливания крови. Однако, как вскоре выяснилось, директору этого института совсем не нужен был честный заместитель по хозяйственной части.

Крон именует этого директора К. Мы же назовем его фамилию полностью, поскольку в судьбе Героя он сыграл поистине роковую роль. Это В. Кухарчик, позже осужденный к лишению свободы. Кухарчик сразу намекнул Маринеско, что от того требуется. Однако Александр Иванович не захотел участвовать в строительстве директорской дачи за счет государственных средств. Отношения не сложились. Маринеско высказал открыто все, что он думает о хапугах и казнокрадах. Кухарчик же затаился. Стал ждать удобного случая.

Вскоре случай такой представился. Во дворе института валялись списанные торфяные брикеты. Маринеско решил ликвидировать эту свалку и развез брикеты по домам сотрудников института, получив предварительно устное разрешение директора. А тот позвонил в ОБХСС. Так Маринеско стал расхитителем социалистической собственности и предстал перед судом.

Мне, как и А. Крону не удалось отыскать следы этого дела. Его уничтожили в связи с истечением срока хранения. Остался только приговор, который писатель нашел в архиве Ленинградского городского суда.

Согласно приговору А. И. Маринеско был осужден 19 декабря 1949 года по ст. 109 Уголовного кодекса (злоупотребление служебным положением) и по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» на три года лишения свободы, без поражения в правах.

Маринеско вменили в вину вывоз с территории института и без разрешения директора двух тонн торфяных брикетов, валявшейся на чердаке кровати стоимостью 543 рубля и совершение трех прогулов.

О том, при каких обстоятельствах Александр Иванович «присвоил» кровать, рассказала сотрудница института, присутствовавшая на обыске в качестве понятой:

– Такие железные койки были у нас в институте до войны. Потом их снесли на чердак и после войны списали как негодные. К одной из коек прикручена проволокой жестяная бирка с нашим инвентарным номером. Если б Александр Иванович хотел эту койку присвоить, он бирку сорвал бы.

В суде Маринеско тоже говорил судьям, что принес эту старую кровать в свою коммунальную квартиру на время, потому что ему, его новой супруге, грудному ребенку и теще не на чем было спать. И прокурор, бывший фронтовик, поверил. Убедившись, что дело это не стоит выеденного яйца, отказался от обвинения. Народные заседатели заявили особое мнение. Однако судья не решилась вынести оправдательного приговора. Тогда это не практико-

валось. Дело отложили, Маринеско взяли под стражу. И уже в другом составе суда вынесли обвинительный приговор⁵².

Наказание А. И. Маринеско отбывал на рыбопромыслах в Находке, 10 октября 1951 года был досрочно освобожден. В 1953 году, на основании бериевского акта амнистии от 27 марта, с него сняли судимость. В 1960-м – восстановили в звании капитана 3 ранга. Произошло это после показа в Москве немецкого художественного фильма «Ночь опустилась на Готенхафен», в котором упоминался командир подлодки Маринеско, потопивший океанский гигант «Вильгельм Густлов».

После освобождения из лагеря Маринеско работал грузчиком и топографом. Потом устроился на завод «Мезон», где проявил себя с самой лучшей стороны – его портрет долгое время висел на Доске почета. Но тут опять подкралась беда.

Сведений о втором судебном процессе над Маринеско еще меньше, чем о первом. Не установлено точно – когда это было. Неизвестно даже по каким правилам – уголовного или гражданского производства – слушалось это дело. Суть же его была в следующем. Маринеско остро нуждался в деньгах – пенсию он получал мизерную, заработок был небольшой. К тому же платил алименты. Руководство завода пошло ему навстречу, разрешило подрабатывать сверх установленного оклада. Внезапно нагрянувшая ревизия выявила нарушения, материалы были направлены в суд, который постановил взыскать с Маринеско все полученные им излишки. Даже когда он уволился в связи с раком горла и пищевода, эти излишки продолжали вычитать по исполнительному листу из пенсии.

Никто в то время не знал, что он ас-подводник и настоящий Герой. Сам же Александр Иванович никогда ни перед кем, в том числе и перед судьями, свои заслуги перед Родиной не выпячивал. Когда хозяйка квартиры, которую он снимал, увидела у него орден Ленина, он ответил ей коротко: «Была война – многие получали».

Впервые А. Крон рассказал в газете об А. И. Маринеско только в 1959 году. Благодаря ему и адмиралу И. Исакову, к которому писатель обратился за помощью, умирающему от нищеты и болезни герою-подводнику была повышена пенсия. Писатель С. С. Смирнов в 1960 году в своем альманахе «Подвиг» рассказал о нем по телевидению. И сумел, обойдя цензуру, донести до зрителей мысль о том, что Герой живет в нищете. Так к А. И. Маринеско пришла известность. В его адрес стали приходить тысячи писем, в которые писавшие ему люди зачастую вкладывали деньги – три или пять рублей.

В ноябре того же года приказом министра обороны СССР были отменены пункты всех приказов по отстранению А. И. Маринеско от должности, снижению его в воинском звании и увольнению из Вооруженных сил, а также изменены основания увольнения – с этого момента он считался уволенным с должности командира С-13 в звании капитана 3-го ранга по сокращению штатов...

Умирал герой-подводник тяжело. Скончался он 25 ноября 1963 года. Надгробная плита была установлена на народные деньги. И лишь через четверть века – 27 апреля 1988 года постановлением Президиума Ленинградского городского суда приговор в отношении А. И. Маринеско был отменен за отсутствием в его действиях состава преступления. А еще через два года подводнику №1 было, наконец, присвоено звание Героя Советского Союза. Тогда же, на народные деньги на надгробной плите была нанесена золотом Звезда Героя.

Журналист газеты «Известия» Эд. Поляновский, присоединивший по просьбе председателя Калининградского «Комитета Маринеско» В. С. Геманова свой голос в защиту Героя,

---

⁵² Судью П. В. Вархоеву, вынесшую этот несправедливый приговор, отыскал А. Крон и позвонил ей. Однако она отказалась от встречи, заявив, что ни Маринеско, ни его дела совершенно не помнит и добавила в конце разговора: «Если б я знала, что он такой герой, то, наверно, запомнила бы».

справедливо и точно назвал все то, что происходило в течение сорока пяти лет вокруг его имени – нашим «национальным позором»⁵³...

Флотская тематика будет продолжена в следующей главе. И начнем мы ее с дела капитан-лейтенанта Ю. М. Афанасьева. В книге 1 это дело уже упоминалось. Теперь пришло время рассказать о нем подробнее.

---

⁵³ Подробно об этом рассказано в книге В. С. Геманова «Триумф и трагедия подводника Александра Маринеско». М. Терра. 2005.

Глава 2. За гибель кораблей – к ответу

1. Единственно правильное решение

Моряки-балтийцы приняли свой первый бой в районе Либавы, непосредственно примыкавшем своими морскими и сухопутными границами к Германии. Здесь фашистам также было оказано героическое сопротивление, понесены первые жертвы, пролито немало крови. И слез – слез скорби и печали...

Удивительно, но в те страшные для страны часы моряки с эскадренного миноносца «Ленин» и его командир капитан-лейтенант Юрий Афанасьев едва сдерживали слезы радости. Красавец – эсминец, ремонтировавшийся с осени 1940 года на Либавском судостроительном заводе «Тосмаре», буквально за день до начала войны буксиры вывели из сухого дока. Он горделиво стоял у стенки завода, всем своим видом показывая, что ему пора на морские просторы. Между тем, к начавшимся боевым действиям «Ленин» готов еще не был. Корабль не имел хода и при падении Либавы достался бы врагу. Поэтому Ю. М. Афанасьев 22 июня 1941 года, предварительно согласовав вопрос с командиром военно-морской базы капитаном I ранга М. С. Клевенским и получив его устный приказ, сообщил подчиненным о принятом решении подорвать миноносец. Матросы стали роптать, высказывать недовольство по этому поводу. А он и сам отчаянно искал пути спасения. Решающих слов все ждали от котельных машинистов. И слышали их:

– Товарищ капитан-лейтенант, давайте рискнем, попробуем запустить хотя бы часть котлов.

– Да ведь на это уйдет неделя, не меньше. А немцы в любой момент могут прорваться...

– Давайте рискнем.

И Афанасьев рискнул. Созвонился с Клевенским. Тот был осторожен и лаконичен:

– Действуйте по обстановке, в соответствии с корабельным уставом. Но в любой момент будьте готовы к взрыву. Эсминец не должен достаться врагу.

То, что после этого произошло, мало назвать невероятным. Двадцать часов под непрерывными бомбежками моряки спасали свой второй дом. В итоге за неполные сутки сделали то, на что по нормативам мирного времени ушло бы дней шесть – два котла из четырех удалось запустить.

Корабль ожил, медленно отошел от стенки. Вот тогда и появились у многих на глазах слезы радости.

Однако за пятнадцать минут до полуночи, на исходе 23 июня, командир все же вынужден был отдать команду на взрыв эсминца. Обстановка к тому времени резко изменилась. Стрельба в непосредственной близости от завода резко усилилась к 20 часам вечера. Афанасьев сам видел, что пехота в беспорядке отступает, а находившиеся рядом в ремонте подводные лодки их экипажи тоже начали готовить к взрыву. Информация о том, насколько близко подошли к заводу немцы и где они прорвали оборону Либавы была очень противоречивой. Иными словами – никто ничего толком не знал. От Клевенского добиться чего-то вразумительного было нельзя. Вполне, определенно Юрий Афанасьев знал и понимал лишь две вещи: предупреждение Клевенского о том, что миноносец ни при каких обстоятельствах не должен достаться врагу, и то, что корабль не может самостоятельно выйти в море и вести боевую стрельбу – скорость хода у него в буквальном смысле черепашня, а пути выхода из базы перекрыты фашистами.

Времени на раздумье не было. Письменного приказа Клевенского тоже. И тогда капитан-лейтенант принял это непростое решение о подрыве эсминца.

Было ли оно верным?

Ответ на этот вопрос интересовал не только военных юристов, но и немногих очевидцев тех трагических событий, а также историков, осведомленных об этой малоизвестной странице первых дней войны.

Клевенский понимал, что ему в любом случае придется держать ответ за Либавскую трагедию. Поэтому, пытаясь спасти себя, он дал показания против Афанасьева. Правда самому Клевенскому они мало помогли. Как не помогло и назначение его командиром дивизиона катеров-охотников на Ладожское озеро, то есть подальше от глаз особистов и прокуроров. Клевенский, как уже отмечалось, тоже попал под трибунал.

В докладной записке на имя командующего флотом вице-адмирала В. Ф. Трибуца Клевенский писал:

«Командир эсминца „Ленин“, приняв отходящие в беспорядке части за непосредственную угрозу кораблям, не доложив об этом на КП и не приняв никаких мер не только к обороне, но и по выяснению элементарной обстановки, взорвал миноносец „Ленин“ и отдал приказ взорвать подводные лодки»⁵⁴.

Командующий флотом дал ход докладной. И вскоре она легла в основу обвинительного заключения.

Реконструировать обстановку до суда над командиром эсминца и на самом судебном процессе можно довольно точно на основе сохранившихся документов⁵⁵ и воспоминаний очевидцев.

Военная прокуратура флота обвинила Афанасьева в совершении преступления, предусмотренного статьей 193—20 п.«б» Уголовного кодекса РСФСР (уничтожение начальником вверенного ему военного корабля). Капитан-лейтенант вину не признал. Утверждал, что на взрыв эсминца имел устное указание командира базы. Доказывал, что направление эсминца на ремонт, за полгода до фашистского вторжения, из Ленинграда, являвшегося центром судостроения, в Либаву, расположенную рядом с границей фашистской Германии, было ошибкой командования флота. Однако его доводы и аргументы не были услышаны. Поэтому нам придется обратиться к воспоминаниям С. А. Осипова и П. Д. Грищенко

Капитан-лейтенант С. А. Осипов, ставший впоследствии Героем Советского Союза и контр-адмиралом, в июне 1941 года командовал отрядом торпедных катеров, на одном из которых находился тогда Ю. Афанасьев. Спустя годы, он рассказывал писателю С. С. Смирнову: «О потоплении «Ленина» слышал, что было устное приказание Клевенского. Слышал, что Афанасьев возражал против этого, но пришлось выполнить приказание... Капитан-лейтенант Афанасьев был на хорошем счету, его все любили... Позже, когда я встретил Ю. Афанасьева, он сказал мне, что его, наверное, расстреляют за то, что взорвал эсминец.

– Так тебе и надо! – сказал я – Надо было получить письменное распоряжение, приказ.

– Конечно, – ответил он, – я тогда не додумался, а сейчас ничем не могу доказать.

После этого Афанасьева я больше не видел»⁵⁶.

Товарищ и однокашник Ю. Афанасьева легендарный подводник П. Д. Грищенко в те роковые июньские дни тоже находился в Либаве. Но Петр Денисович успел вывести свою ставшую вскоре знаменитой подводную лодку (минный подводный заградитель «Л-№3») в море.

П. Грищенко вспоминал:

«Корабль его уже полгода как пришел в Либаву на ремонт. Тогда же Афанасьев высказал свое сомнение: гнать корабли из Ленинградской базы на ремонт больше чем за тысячу

⁵⁴ ЦВМА. Ф. 22. Д. 143. Л. 26.

⁵⁵ В сжатом виде информация изложена в записке отдела административных органов ЦК КПСС от 10 ноября 1969 г. (Приложение №1 к главе 2).

⁵⁶ Литературная запись С. С. Смирнова цитируется по очерку Г. Полякова в Морском сборнике №6. 1991.

километров в Либаву, которая находится в сотне километров от фашистской границы, – это по меньшей мере неразумно. Но эти вопросы не в компетенции командиров кораблей. Это уже стратегия...»

Незадолго до начала судебного заседания Грищенко случайно встретил Афанасьева в Таллинне, в штабе флота. Встретил и с трудом узнал друга. Еще недавно пышущий здоровьем, всех поражающий красотой и гордой осанкой, Афанасьев «сейчас как-то обмяк, смотрел он, казалось, куда-то в сторону».

Грищенко спросил с тревогой:

– Что случилось? Почему ты здесь?

Афанасьев тихо-тихо, сквозь слезы, поведал другу о своей беде:

– Я ведь теперь подследственный. Через два часа в малом зале меня будет судить рев-трибунал. Но верь мне, я не виновен. Так и передай нашим однокашникам – Юрий Афанасьев не виновен. Он выполнял приказ командира Либавской военно-морской базы.

Протянув Грищенко обе руки и почти рыдая, Афанасьев прошептал:

– Прощай дружок, не поминай лихом.

– За что же, Юрий? Я не верю.

– Да никто не верит, кроме прокурора и комфлота. Доказать не могу, приказ был дан мне лично по телефону: «Назначаю вас, товарищ Афанасьев, старшим по уничтожению всех кораблей, стоящих на ремонте, а также приказываю взорвать склады боеприпасов и топлива. Срок исполнения – немедленно. По выполнении приказа – явиться в штаб базы и доложить мне лично.

В тех же воспоминаниях П. Грищенко приводит слова Афанасьева о том, что на очной ставке с ним Клевенский это отрицал: «Такого приказа, – заявил он следователю, – я не давал. Акт уничтожения базы – это самовольство, паникерство и трусость самого Афанасьева»⁵⁷

После этого судьба командира эсминца была практически решена.

Суд состоялся 19 июля 1941 года и был скоротечным. Как и предписывалось по законам военного времени. Председательствовал на процессе председатель трибунала флота диввоен-юрист В. Колпаков.

Прокурор был суров. В голосе металл. Каждая фраза припечатывает, обличает, не оставляет надежд на объективную и взвешенную оценку происшедшего:

– В тяжелую годину корабли так нужны флоту. А вы их взорвали!

Подсудимый пытался говорить спокойно, аргументируя свою позицию:

– Знаю, что нужны. Очень нужны. Но из двух зол приходилось выбирать меньшее. Хуже было бы, если бы корабли достались врагу. Вспомните, как поступили моряки-черноморцы в восемнадцатом году, когда белогвардейцы зажали их в Новороссийске. Мне так же, как и черноморцам, нелегко было поднять на фок-мачте корабля сигнал: « Погибаю, но не сдаюсь! ». Мне было приказано: взорвать корабли, склады боеприпасов, продовольствия и топлива. Я горжусь, что успел вовремя выполнить приказ, и тем самым корабли и склады не попали в руки врагу. История меня оправдает.

В последнем слове подсудимый заявил:

– Я сказал всю правду. Трусостью я не страдаю. Прошу хоть рядовым бойцом, но отправить на фронт⁵⁸.

Трибунал не внял этой просьбе, приговорив Ю. М. Афанасьева к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение 29 июля 1941 года. Место захоронения Афанасьева неизвестно.

---

⁵⁷ Морской сборник, №6, 2001. с. 76.

⁵⁸ Показания цитируются по надзорному производству Главной военной прокуратуры №8549—55 по делу Афанасьева Ю. М., с.23.

Так кто же он, Юрий Афанасьев, – герой или преступник?

Мнений на сей счет было высказано немало. Причем, с течением времени их меняли на диаметрально противоположные и конкретные люди, и ведомства, причастные к делу о взрыве эсминца «Ленин».

Трудным оказался путь к истине, нелегко давался вывод, к которому сегодня пришли практически все – решение Ю. М. Афанасьева было единственно верным.

Эти три слова – «единственно верное решение» – сегодня можно встретить на страницах мемуаров известных флотоводцев, в том числе и тех, от кого мог зависеть совсем иной исход дела⁵⁹. К сожалению, приходится констатировать, что В. Трибуц так и не нашел в себе мужества сказать правду до конца, покаяться в том, что большая доля вины за смерть героя лежит на нем.

Те же слова содержатся в подробном заключении Главного штаба Военно-морского флота от 2 февраля 1956 года: «...действия командира эскадренного миноносца „Ленин“ в сложившейся обстановке следует признать правильными»⁶⁰.

На основании выводов морских специалистов Главная военная прокуратура составила свое заключение и 19 мая 1956 года высшая судебная инстанция отменила приговор в отношении Юрия Михайловича Афанасьева, прекратив дело за отсутствием в его действиях состава преступления.

2. «Корабль считать погибшим»

Этой фразой из боевого приказа командующего Северным флотом вице-адмирала А. Г. Головки была поставлена последняя точка в истории эсминца «Сокрушительный». Из семи эсминцев, с которыми Северный флот встретил войну, «Сокрушительный» был одним из самых известных. С первого дня войны и до момента его гибели эсминцем командовал орденоносец капитан 3 ранга М. А. Курилев.

На счету командира и его команды имелось несколько боевых побед. Так, сопровождая 29 марта 1942 года конвой PQ-13, «Сокрушительный» вступил в сражение с обстрелявшим его немецким эсминцем типа «Редер» и нанес ему повреждения в районе второй трубы. Историки отмечают, что этот бой занимает особое место в истории морских батальей Великой Отечественной войны, поскольку это был единственный случай, когда советский надводный боевой корабль столкнулся и одержал победу над кораблем противника такого же класса. А 8 мая того же года в районе губы Ара эсминец «Сокрушительный» был дважды атакован немецкими самолетами, но, благодаря слаженным действиям личного состава, ему не только удалось избежать попаданий авиабомб, но и сбить один бомбардировщик. Всего же, менее чем за полтора года войны «Сокрушительный» сбил 6 самолетов врага⁶¹, уничтожил артобстрелами около 2000 солдат и офицеров противника и мог бы стать вторым на Северном флоте гвардейским эсминцем. Мог бы. Но не стал.

Удача изменила Курилеву 20 ноября 1942 года. При сопровождении вместе с лидером «Баку» конвоя PQ-15, наши корабли из-за сильного шторма потеряли друг друга из виду и вскоре оба получили повреждения. На лидере оказались затопленными носовые отсеки. А на «Сокрушительном» в районе 178—180-го шпангоутов появилась трещина, и через несколько минут корма оторвалась и затонула вместе с шестью матросами⁶². Корабль с переломанными гребными винтами оказался в критической ситуации. Прибывшим к месту ката-

⁵⁹ Кузнецов. Н. Г. Курсом к победе. Воениздат. 1989. с.13; Трибуц В. Ф. Балтийцы вступают в бой. Калининград. 1972. с. 57.

⁶⁰ Надзорное производство ГВП по делу Афанасьева Ю. М. с.22—24.

⁶¹ Два из них – совместно с другими кораблями.

⁶² В мемуарах А. Г. Головки – «кормовая часть отвалилась по 173 шпангоуту».

строфы эсминцам «Урицкий», «Куйбышев» и «Разумный» пришлось в тяжелейших условиях проводить спасательную операцию. С терпящего бедствие корабля удалось снять 191 человека.

После того, как эсминцы, проводившие спасательные работы, ушли в базу для дозаправки топливом, на «Сокрушительном» осталось 13 матросов, командир БЧ-3 старший лейтенант Г. Е. Лекарев и старший политрук И. А. Владимиров. Они затонули вместе с эминцем, до конца выполнив свой воинский долг.

Надо сказать, что в исторической литературе сведения об общем числе погибших моряков разнятся. На сегодняшний день в списках, составленных поисковиками, приводятся фамилии 36 человек.

Вскоре после произошедшей трагедии состоялось заседание военного трибунала Северного флота, на котором капитан 3 ранга М. А. Курилех за проявленную трусость был приговорен к высшей мере наказания.

В конце ноября 1942 года адмирал А. Г. Головкин сделал в своем дневнике запись, которую позже воспроизвел в мемуарах: «Курилеха придется отдать под суд. Это, бесспорно, трус, личность без стыда и совести... Курилех ушел с корабля 47-м, следом за ним заместитель — Калмыков и артиллерист Исаенко. Все — честь, совесть, долг затмила боязнь за свою жизнь. Ну что же, суд воздаст должное им»⁶³.

О том, что трибунал «воздаст должное», тогда ни у кого сомнений не было. Еще до суда, на заседании партийной комиссии при политуправлении Северного флота командир эсминца М. А. Курилех «за проявленную растерянность и трусость, за позорное и недопустимое для советского офицера поведение, выразившееся в уходе командира в числе первых с терпящего бедствие корабля» был исключен из партии⁶⁴.

Между тем, вины командира в гибели эсминца установлено не было. М. А. Курилеху и другим, осужденным вместе с ним офицерам, вменялась одна и та же статья Уголовного кодекса — это статья 193—23 УК РСФСР (оставление погибающего военного корабля).

Известно, что корабли этого класса изначально предназначались для Балтийского моря и по своим мореходным качествам совсем не подходили для Баренцева моря. Они получали повреждения и при более слабых балтийских штормах. Поэтому каждая их встреча с суровым северным морем была сопряжена с большим риском. Вместе с тем, ни у кого не возникло сомнений в том, что Курилех грубо нарушил корабельный устав. Он покинул гибнущий корабль, вместе с другими осужденными, в первых рядах.

В книге капитана I ранга В. Шигина приведены бытовавшие среди ветеранов флота три основных версии поспешного оставления Курилехом эсминца: был пьян и, струсив, бежал; был серьезно болен, а потому матросы перенесли его на эсми́нец «Куйбышев»; и, наконец, — члены экипажа насильно переправили командира на другой корабль, не спрашивая его согласия⁶⁵.

Сам М. А. Курилех на следствии и в судебном заседании трибунала объяснял этот свой шаг болезненным состоянием. Но его доводы не были приняты судом во внимание.

Интересные заметки о последнем походе «Сокрушительного» оставил машинист-турбинист эсминца П. И. Никифоров, отмечавший, что командир сказался тогда больным и был бережно, на руках, переправлен краснофлотцами на эсми́нец «Куйбышев». В госпитале, куда Никифоров попал после спасения, кто-то высказал мысль попросить у командующего флотом другой корабль и продолжать воевать на нем вместе со старым командиром. В этой связи решили направить Курилеху приветствие, написать которое и вручить адресату поручили Никифорову. В своих заметках он писал:

⁶³ Головкин А. Г. Вместе с флотом. Воениздат. 1960. с. 146—148.

⁶⁴ Цит. по — Шигин В. В. Правда о «Сокрушительном». Морской сборник. №6—10. 2008.

⁶⁵ Шигин В. В. Правда о «Сокрушительном». Морской сборник. №6—10. 2008.

«В этот момент никто из нас не вспомнил очень важную статью Корабельного Устава о том, что командир с гибнущего корабля должен уходить последним. За то, что подготовил приветствие, меня вызвали к следователю, и я – единственный из матросов – присутствовал в качестве свидетеля на заседании военного трибунала. Оно проходило в Полярном при большом стечении офицеров. Приговор гласил: командира корабля капитана 3 ранга Курилеха и командира БЧ-2 капитан-лейтенанта Исаенко – расстрелять, старпому Рудакову и замполиту Калмыкову определить меру наказания – лишение свободы на 10 лет каждому, командира БЧ-4 Анисимова, доктора Иванова, командиров БЧ-1 Григорьева и БЧ-5 Сухарева направить в штрафной батальон на фронт»⁶⁶.

Этот суровый приговор прозвучал 13 декабря 1942 года. А через месяц, когда жалобы осужденных были отклонены, расстрельный приговор в отношении капитана 3 ранга М. А. Курилёха и командира БЧ-2 капитан-лейтенанта И. Т. Исаенко был приведен в исполнение. Судимость с остальных сняли досрочно, с помощника командира эсминца О. И. Рудакова – в июле 1943 года. А в 1944-м он вернулся в Полярный, продолжил службу помощником командира эсминца «Громкий», затем – командиром эсминца «Доблестный». В 50-е годы Рудаков стал контр-адмиралом...

Адмирал А. Г. Головки писал в своих мемуарах:

«История с Курилехом – единственный случай на Северном флоте..., поступок Курилеха больше, чем личная трусость; это преступление командира, презревшего свой долг – священный долг: думать не о себе, а прежде всего о корабле и людях. Немало горьких размышлений вызвала у меня, да и не только у меня, история с Курилехом. Как говорится, ведь не бывало таких у нас в роду. То есть не было на Северном флоте ничего подобного с первой минуты войны. Анекдотический случай с бывшим командиром одной из „малюток“ Лысенко, допустившим ошибки в счислении, вышедшем в подводном положении к скалистому берегу Териберской губы и полагавшим в панике, будто противник вытягивает лодку магнитами на поверхность, не может идти в сравнение с поступком Курилеха...»⁶⁷.

Полагаю, не очень корректно писать об анекдотичности этого случая, поскольку он был квалифицирован военными юристами как тяжкое преступление, а его виновник – командир подводной лодки М-172 старший лейтенант Д. М. Лысенко был осужден военным трибуналом Северного флота. О чем, естественно, А. Г. Головки умолчал. Кроме того, адмирал «забыл» рассказать еще об одной истории, связанной с командиром подлодки Щ-422.

Лодка М-172 под командованием Д. М. Лысенко 11 июля 1941 года вышла в поход из Полярного в направлении к северо-востоку от острова Кильдин. Это был первый боевой поход «Малютки», ставший для ее командира последним.

Тридцатилетний Д. М. Лысенко действительно оказался неопытным командиром, вел себя в походе неуверенно, не мог точно определить курс и местонахождение лодки. Когда пошла вторая неделя похода, подводная лодка именно по этим причинам напоролась на прибрежные камни в Териберской губе. Из-за неумелых действий Лысенко, скомандовавшего «Полный вперед!», положение еще ухудшилось. После очередного удара о камни, началась паника. По показаниям очевидцев Лысенко в этой ситуации окончательно растерялся и совсем потерял способность управлять кораблем. Команду на всплытие отдал уже его помощник. В результате аварии носовая часть лодки оказалась существенно повреждена.

По окончании похода старший лейтенант Д. М. Лысенко был арестован, а затем предан суду военного трибунала. 3 августа 1941 года состоялся суд. Военный трибунал Северного флота приговорил Лысенко по ст.193—17 п. «а» УК РСФСР на 7 лет исправительно-трудовых лагерей. Вероятно – с отсрочкой исполнения приговора. Более точных сведений у автора

⁶⁶ Сборник «Гангут». №7. 1994.

⁶⁷ Головки А. Г. Вместе с флотом. с. 151.

не имеется, поскольку не удалось обнаружить приговор по этому делу. В исторической литературе отмечалось, что Лысенко был приговорен к расстрелу. К сожалению, автор в первом издании книги «Война на весах Фемиды» также допустил эту ошибку. На самом деле, Д. М. Лысенко не расстреляли и в исправительно-трудовой лагерь не направляли. После списания с подплава он занимался охраной рейдов Йоканьгской военно-морской базы, а в 1942—1944 годах служил минным специалистом частей Волжской и Каспийской военных флотилий.

В июне 1942 года военный трибунал Северного флота приговорил к расстрелу командира подводной лодки Щ-422 капитана 3 ранга А. К. Малышева. Однако командующий Северным флотом адмирал А. Г. Головкин не написал об этом в своих мемуарах.

3. Почему память подвела адмирала Головкин?

В истории с А. К. Малышевым до сих пор не все ясно. Официально он числится погибшим в результате воздушного налета 4 сентября 1942 года и похороненным на воинском кладбище в гор. Полярном. По другим данным – расстрелян по приговору военного трибунала Северного флота...

В отличие от Лысенко, капитана 3 ранга Малышев был опытным подводником. Он открыл боевой счет на Северном флоте – добился первой официально подтвержденной победы над врагом, потопив 12 сентября 1941 года транспорт «Оттар Ярл»⁶⁸. Это произошло в третьем боевом походе Щ-422, в районе Тана-фьорда. Торпеда была выпущена по команде Малышева с дистанции около 5 кабельтовых. В тот же день, ближе к вечеру, подлодка Малышева выпустила еще одну торпеду – по каботажному пароходу «Танакорн». Спустя много лет было точно установлено, что и эту цель Малышев поразил. Но торпеда по неизвестной причине не взорвалась.

После этого командира Щ-422 стала преследовать полоса неудач. Сначала ему пришлось досрочно возвращаться на базу, поскольку ударом незакрепленной переборочной двери раздробило во время шторма три пальца. В следующем походе Малышев безуспешно атаковал ряд транспортов противника и только 26 января 1942 года сумел расстрелять из 45-мм пушки норвежский мотобот «Морильд» и пленить его команду. Но на следующий день вновь промазал, не сумев поразить торпедой вражеское судно. А затем сам был атакован эсминцем Z-24 и вновь прервал поход, так как от удара глубинной бомбы оказались повреждены гирокомпас и балластная цистерна подлодки.

Историки обратили внимание, что в этом походе А. К. Малышева, видимо, не случайно сопровождал комдив капитан 2 ранга И. А. Колышкин, которому как раз в эти дни присвоили звание Героя советского Союза. Видимо, уже тогда что-то настораживало командование в поведении командира Щ-422. Правда, по возвращении из этого похода Малышева все же наградили орденом Ленина. Но подозрений с него не сняли. Они усилились, когда в двух последующих походах Щ-422 не провела ни одной удачной атаки и оба раза вновь досрочно возвращалась на базу.

Адмирал Колышкин писал в мемуарах по этому поводу:

«В июне, возвратившись из похода с Шуйским, я с изумлением узнал, что, пока мы были в море, Малышева отстранили от командования лодкой.

До сих пор мне нелегко отдать себе отчет, что случилось с этим командиром. В январском походе он, по моим наблюдениям, без опаски вел поиск и атаки, не проявлял растерянности, когда лодка камнем летела вниз под аккомпанемент взрывов глубинных бомб. Но после Малышев несколько раз выходил в море и возвращался с неизрасходованными торпедами, хотя, вероятно, израсходовать он их мог – «Щ-422» имела встречи с противником. Комиссар

---

⁶⁸ Бывший норвежский пароход «Ottar Jarl».

лодки старший политрук Дубик, превосходно знавший командира, не мог отрицать, что его действия при встречах с врагом носили печать чрезмерной, труднообъяснимой осторожности. В июне Малышев вышел в море с новым комиссаром – старшим политруком Табенкиным. Через несколько дней Табенкин дал радиogramму в базу с просьбой отозвать лодку. У командира явно ничего не клеилось. Как объяснить все случившееся? Возможно, январский поход с его свирепыми бомбежками, а затем гибель нескольких лодок морально надломили этого недостаточно твердого человека. Впечатление, которое произвели на подводников первые боевые потери, не следует преуменьшать. Однако подавляющее большинство командиров и краснофлотцев сумело овладеть своими чувствами, и неудивительно, что в крупном коллективе все же оказался человек, который так и не смог пережить потрясения»⁶⁹.

Итак, Колышкин считал, что Малышев надломился, стал осторожничать, не смог пережить потрясения...

Серьезное потрясение, перенесенное Малышевым еще до начала войны, было связано с другой подлодкой – Щ-424, на которой он служил тогда старпомом. 20 октября 1939 года на выходе из Кольского залива, у мыса Летинский, Щ-424, под командованием К. М. Шуйского, столкнулась с рыболовецким траулером РТ-43 «Рыбец». Удар в левый борт «щуки» был такой силы, что она буквально через несколько минут затонула на большой глубине. 32 моряка, находившиеся в лодке, погибли. Спасти удалось лишь нескольким подводникам⁷⁰ – тем кто был на мостике, в том числе К. М. Шуйскому и А. К. Малышеву. Последний в сложившейся критической ситуации предлагал командиру более безопасное расхождение правыми бортами, но, Шуйский продолжал действовать в соответствии с правилами судоходства. В результате, ситуация вышла из-под контроля, на лодке началась паника. Краснофлотцы перестали выполнять команды Шуйского и даже не доложили ему о пробоине.

Следствие пришло к выводу, что находившиеся на мостике командиры, в том числе Малышев, не приняли необходимых мер к удержанию лодки на плаву и спасению 32 моряков. К. М. Шуйскому и капитану траулера А. П. Дружинину предъявили обвинение в умышленном потоплении подлодки. Военный трибунал, рассматривавший это дело 7 декабря 1939 года, также пришел к выводу, что вина командира лодки и капитана траулера является обоюдной. Оба были приговорены к высшей мере наказания⁷¹. Военком политрук Кондаков был осужден на 10 лет лагерей, лоцман лейтенант Соколов – на 6 лет лагерей. Малышев же отделался дисциплинарным взысканием, наложенным на него командующим Северным флотом⁷².

Эту трагедию Малышев, безусловно, помнил всегда. И старался действовать так, чтобы не повторить ее. Поэтому и осторожничал. Но только ли этим можно все объяснить? Вряд ли. Его поведение в последнем восьмом походе⁷³ во многом объясняется неприязненными отношениями, которые с самого начала сложились у него со старшим политруком А. Е. Табенкиным. Нормальные отношения с ним и не могли сложиться, поскольку Малышев понимал – для каких целей приставлен к нему представитель политотдела флота. Сам Табенкин тоже не скрывал, что его задача – пристально наблюдать за командиром.

В походе А. Е. Табенкин скрупулезно фиксировал, как Малышев отказался от проведения атаки по обнаруженной 31 мая немецкой субмарине, а 2 июня – по конвою противника. Малышев, в свою очередь, относился к инструктору политотдела с нескрываемой издевкой.

⁶⁹ Из бездны вод: Летопись отечественного подводного флота в мемуарах подводников. М. Современник. 1990. с. 416—417.

⁷⁰ По одним данным спаслось 10 чел., по другим – 7 чел.

⁷¹ В январе 1940 г. приговор в отношении К. М. Шуйского был изменен – расстрел заменен 10 годами лишения свободы, а в декабре 1941 г. он был «временно освобожден из-под стражи для участия в боевых действиях флота» и с марта 1942 г. стал командовать подводной лодкой Щ-403.

⁷² Химаныч О. Сталинский «бандит» в Молотовске». Северная неделя. 2001.

⁷³ В этот поход Малышев ушел не в июне, как пишет Колышкин, а еще 21 мая.

После похода Табенкин написал донесение, явившееся основанием для возбуждения уголовного дела и ареста Малышева. В нем он обвинил его в преднамеренном выводе гирокомпаса из строя и проявленной трусости.

Надо сказать, что на необоснованные обвинения в трусости подводники реагировали весьма болезненно. Один из них, командир подводной лодки С-15 капитан 3 ранга А. И. Мадиссон, по этой причине застрелился в Полярном 24 февраля 1944 года. В предсмертной записке он указал, что не может «перенести позорных кличек „трус“, „шкура“ и т.д., которыми забросали старшие товарищи при возвращении с моря»...

По документам, сохранившимся в Северном флотском военном суде (опись судебных производств военного трибунала Северного флота №789386с), Алексей Кириянович Малышев числится за номером 408, как приговоренный 28 июня 1942 года по статье 193—21 п. «б» УК РСФСР (самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений, при наличии особо отягчающих обстоятельств) к высшей мере наказания.

Других данных в суде нет. Уголовное дело в отношении А. К. Малышева на 33 листах в 1967 году было сдано в архив ВМФ СССР. Надзорное производство по этому делу уничтожено по истечении срока давности.

По некоторым сведениям, расстрельный приговор не был приведен в исполнение, поскольку осужденный А. К. Малышев погиб 4 сентября 1942 года при бомбардировке Полярного.

Командующий Северным флотом А. Головкин, безусловно, знал о суде над Малышевым. Не мог не знать. Однако не написал об этой истории в своих мемуарах, поскольку, вероятно, понимал, что расстрельный приговор Малышеву был несправедливым. Такого мнения придерживались многие его сослуживцы и ветераны Северного флота: «Нелепым и несправедливым был приговор военного трибунала Северного флота – расстрел – по отношению к капитану 3 ранга Малышеву... Тяжело переживали в бригаде случившееся»⁷⁴.

Между тем, данными о реабилитации А. К. Малышева автор не располагает.

Капитан 3 ранга А. К. Малышев – не единственный из подводников, приговоренных военными трибуналами к расстрелу.

4. 8 августа 1941 года

Этот день в истории подводного флота – особый. Мрачный и тревожный.

8 августа 1941 года начальником Главного политического управления ВМФ армейским комиссаром 2 ранга Роговым была издана директива, предписывавшая решительно пресекать на флоте факты трусости и паникерства.

В директиве приводились примеры проявления трусости, в том числе среди подплава. Упоминался командир подводной лодки П. С. Дронин, расстрелянный по приговору военного трибунала. Это произошло на Черноморском флоте. А на Балтике в этот день был приведен в исполнение расстрельный приговор в отношении командира подлодки С-8 капитана 3 ранга М. С. Бойко.

В первом же боевом походе, 26 июня 1941 года, в непосредственной близости от С-8, шедшей в надводном положении, был замечен, по утверждению командира, перископ немецкой субмарины. М. С. Бойко не решился пойти на таран или произвести стрельбу, так как из-за короткой дистанции это было небезопасно. Под предлогом разрядки аккумуляторов он приказал возвращаться на базу в Усть-Двинск, где заявил, что в море больше не пойдет, так как к войне не подготовлен. Это стоило капитану 3 ранга жизни. М. С. Бойко был арестован

---

⁷⁴ Сорокажердьев. Не вернулись из боя. Мурманск. 1991. с. 61.

и 8 августа 1941 года расстрелян по приговору военного трибунала. Его действия следствие, а затем и суд квалифицировали как трусость, проявленную в бою.

Кроме него на Балтийском флоте были осуждены к расстрелу капитан-лейтенанты А. Ф. Маркелов и В. В. Максимов.

В донесении политотдела бригады подводных лодок КБФ начальнику Главного политического управления ВМФ «О боевой деятельности бригады подлодок» от 28 октября 1941 года отмечалось:

«а) Командир ПЛ Щ-308 Маркелов и военком Орлов, переходя на ПЛ из Кронштадта в Ленинград, посадили лодку на мель, своими силами сняться с мели не могли и должных мер не приняли. Испугавшись обстрела ПЛ фашистской батареей, вызвали буксир, сняли с ПЛ команду и сами ушли, т. е. бросили боевой корабль, проявили беспримерную трусость. Оба исключены из ВКП (б) и судом Военного трибунала приговорены к расстрелу.

б) Командир ПЛ Щ-406 капитан-лейтенант Максимов во время бомбежки фашистской авиацией Кронштадта испугался, бросил ПЛ, самовольно уехал в Ленинград, где и пропал около 2-х суток, т.е. по существу дезертировал. Свое преступление объяснил так: «Хотел последний раз повидаться со своей сестрой». Исключен из ВКП (б) и осужден Военным трибуналом к расстрелу»⁷⁵.

Суд над капитан-лейтенантом В. В. Максимовым, самовольно оставившим часть 22 сентября 1941 года, чтобы попрощаться с эвакуирующейся сестрой, состоялся 24 ноября 1941 года. Во исполнение приговора военного трибунала он был расстрелян. А вот А. Ф. Маркелову повезло. Его дело было пересмотрено и применена отсрочка исполнения приговора. С ноября 1941 года Маркелов продолжил службу военным комендантом транспорта «Аура-ния».

На Балтике попал под трибунал и командир легендарной подводной лодки Щ-307 капитан-лейтенант Н. И. Петров, открывший в годы войны боевой счет подводников-балтийцев. 10 августа 1941 года он первым на флоте потопил двухторпедным залпом немецкую субмарину U-144.

Рубка советской подлодки Щ-307 в настоящее время экспонируется в музее на Поклонной горе. На рубке написано имя командира – «капитан-лейтенант Петров Н. И. 1939—1941».

В действительности Николай Иванович Петров принял эту лодку под свое командование в январе 1941 года. А 22 октября того же года по приговору военного трибунала Ленинградского фронта он был осужден на десять лет лагерей за пораженческие настроения и систематическое пьянство. Находясь в заключении, Н. И. Петров скончался. По некоторым данным, он объявил голодовку и умер от голода.

17 января 1975 года приговор в отношении Н.И.Петрова был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

На Черноморском флоте печальную участь М. С. Бойко разделил командир подводной лодки Щ-205 капитан-лейтенант П. С. Дронин. В упомянутой директиве И. В. Рогова от 8 августа 1941 года не раскрывалось содержание совершенного им преступления: «Командир подлодки „Щ-205“ ЧФ капитан-лейтенант Дронин проявил позорную трусость и не выполнил боевого приказа. Дронин расстрелян...».

В чем же выразилась трусость командира подводной лодки?

22 июня 1941 года П. С. Дронин вывел свою «Щуку» в первый боевой поход, с задачей занять боевую позицию в районе мыса Сфынтул-Георге (Олинька), недалеко от румынского городка Сулина, и при обнаружении противника уничтожить его. Однако Дронин указанный район так и не занял. Ему назначили другой район, но он нанес на карту только восточную его часть – наиболее удаленную от коммуникаций противника.

⁷⁵ Цит. по книге – Подводник №1 Александр Маринеско. Документ №2.16.

9 июля Щ-205 вернулась в Севастополь. Проверка штурманских прокладок и журнала боевых действий показала, что «Щука» не дошла до определенной командованием позиции. По некоторым данным, Дронин пытался заставить командира БЧ-1 подделать кальки похода. Но тот отказался это сделать.

П. С. Дронин был арестован, обвинен в трусости и невыполнении боевого приказа. Вскоре состоялось заседание военного трибунала, по приговору которого он был расстрелян. Судя по информации, отраженной в личном деле П. С. Дрониной, это тоже произошло 8 августа 1941 года, то есть в тот же день, когда на Балтике был расстрелян М. С. Бойко и подписана И. В. Роговым суровая директива о пресечении трусости и паникерства.

5. Судьба лейтенанта Германа

Подавляющая часть советских войск, оборонявших в 1941 году Моондзунский архипелаг, погибла или попала в плен. Эвакуировать с Эзеля (Сааремаа), Даго (Хийумаа) и других островов удалось не более 700 человек. Тогда как в плену оказалось почти 13 тысяч чел. Кроме того, около 200 чел. добрались до Швеции и были там интернированы. В их числе – экипажи двух советских тральщиков, командиры которых, по версии следствия, в сентябре 1941 года составили заговор и преднамеренно ушли в Швецию до приказа об общей эвакуации⁷⁶. Хотя еще была возможность прорваться на остров Ханко, путь до которого был в два раза короче, чем до шведского острова Готланд.

Следствие установило, что главными заговорщиками были исполняющий обязанности командира 8-го дивизиона тральщиков капитан-лейтенант И. П. Теплицкий, командир тральщика «ТЩ-82» старший лейтенант Г. В. Иванов и командир тральщика «ТЩ-89» лейтенант П. Н. Криволапов. Выступившие против побега политруки И. Ф. Акулов (с «ТЩ-89») и В. И. Яковлев (с «ТЩ-82») были убиты.

В декабре 1944 г. репатриированные шведскими властями бывшие военнослужащие Балтийского флота были арестованы управлением контрразведки «Смерш» НКВМФ, в том числе – «заговорщики».

20 сентября 1945 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила организаторов побега на основании статей 58—1 п. «б», 58—8 и 58—11 УК РСФСР⁷⁷ к расстрелу, остальных – к различным срокам лишения свободы⁷⁸.

Как уже сказано, большинство защитников Моондзунского архипелага оказалось в немецком плену. Мы расскажем об одном из них. Он был сметлив умом, жизнерадостен, физически крепок. Носил звучную, с налетом поэтической мистификации, фамилию Герман, которая могла свидетельствовать о принадлежности к аристократическому роду. Но был выходцем из крестьян белорусского Полесья. Он мог бы стать адмиралом. Но успел получить только первое и единственное в его жизни офицерское звание – лейтенант советского Военно-морского флота.

Севастопольское Военно-морское артиллерийское училище Матвей Герман окончил в июне 1941 года. Был откомандирован в распоряжение штаба Балтийского флота, где уже вовсю полыхало зарево войны.

⁷⁶ Всего в 1941 г. в Швеции были интернированы 4 тральщика – №№82, 85, 87, 89. На них находилось около 150 чел., более половины – комсостав.

⁷⁷ В 1989 г. Пленум Верховного суда СССР переквалифицировал деяния командиров тральщиков на ст. 193—2 п. «д» УК РСФСР. Командир тральщика «ТЩ-82» Г. В. Иванов, вероятно, был осужден заочно. Он не был репатриирован в СССР. Весной 1946 г. по требованию советской стороны в Швеции проходило судебное разбирательство над 5 советскими моряками, в т. ч. Г.В. Ивановым. В результате все обвиняемые были оправданы по причине фальсификации обвинения. В частности, капитан-лейтенант Н. Ф. Басуков не мог находиться в числе заговорщиков на борту тральщика, т.к. прибыл в Швецию спустя две недели.

⁷⁸ Христофоров В. С., Черепков А. П., Хохлов Д. Ю. Контрразведка ВМФ СССР. 1941—1945. Вече. 2015.

Командир огневого взвода 317-й отдельной батареи 1-го Балтийского укрепрайона, расположенного на острове Эзель, лейтенант Герман с честью выполнил свое предназначение – храбро воевал, держал оборону острова. А когда фашисты ее прорвали и высадились на Эзеле, он взорвал орудия и вместе с матросами стал с боями прорываться из окружения. Однако был ранен и попал в плен...

В общем, обычная для того времени история, каких немало. Молодой моряк по существу даже не успел увидеть Балтийского моря, слиться с ним воедино, почувствовать себя неотделимой частицей морского сообщества. Вместо палубы и уютных кают-компаний, уже тогда в сентябре 1941-го, ему были уготованы на долгие годы тюремные нары и лагерные бараки. Сначала немецкие, а потом и наши.

В лагере военнопленных «Офлаг №57», в который Матвей Герман попал, содержалось 12 тысяч человек. К весне осталось около 3 тысяч. Большинство погибло от нечеловеческих условий и голода. Матвей выжил. Постоянно вынашивал планы побега, но настолько ослаб и опух, что не прошел бы и километра. Лежа на нарах, он делился своими думали с товарищем – Андреем Труфановым.

– Иди писарем – посоветовал тот – в управление лагеря. Там кормят получше. Сил наберешься. Да и карту местности может быть удастся достать.

Герман так и сделал. В апреле 1942 года стал работать в лагерной управе писарем, а затем чертежником. Заполнял карточки на военнопленных и перечерчивал передаваемые ему немецким переводчиком черновики схем некоторых городов Советского Союза. Выбрав момент, он выкрал у переводчика из портфеля 7 топографических карт, выбрал по ним маршрут движения и в августе 1942 года совершил первый побег.

Задержали Германа в сентябре на территории Литвы. Одна из жительниц деревни выдала его немецкому пограничному наряду. Германа жестоко избили и поместили в карцер, а затем этапировали в лагерь Лангвассер.

В конце года его перевели в рабочую команду этого лагеря – в гор. Роот. А в мае 1943 года он снова бежал вместе с пленными офицерами А. Холуяновым, С. Кольцовым и другими.

Поймали беглецов в Судетской области и на этот раз заточили в гестаповскую тюрьму гор. Нюрнберга. Здесь в камере смертников Германа свела судьба с известным ученым генерал-лейтенантом Д. Карбышевым, которого в концлагере Маутхаузен, в феврале 1945 года, фашисты подвергли изощренным пыткам и уничтожили. Германа же перевели в Флоссенбургский лагерь, откуда, весной того же года, его освободили американские войска.

Д. Карбышев был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза, а М. Герман после репатриации и многочисленных фильтраций оказался в руках «Смерша».

Осенью 1945 года его дело рассматривал в закрытом судебном заседании военный трибунал 1-й запасной стрелковой дивизии. Приговор был трафаретным – 25 лет лагерей за измену Родине, выразившуюся в сотрудничестве с германской военной разведкой...

Последующие пятьдесят лет жизни Матвея Ивановича Германа можно проследить по его жалобам, просьбам и заявлениям. Первое он написал в начале 50-х годов. Последнее не так давно, уже из другого государства Беларусь, – с просьбой объяснить, кто же ему должен выплачивать компенсацию, как необоснованно репрессированному...

Сложной и длительной оказалась борьба Германа за восстановление справедливости и своего честного имени.

Уже в одной из первых жалоб, которую он отправил из Воркутинского речлага «холодным летом 53-го года», М. И. Герман поставил перед председателем Президиума Верховного Совета Союза ССР К. Ворошиловым вопрос, ответа на который добивался всю жизнь: «В чем же моя вина?». В той же жалобе он сам и ответил на этот вопрос: «А оказывается в том, что, находясь в немецко-фашистском плену Погенен (Тильзит), я якобы сотрудничал с немецко-фашистским командованием и добывал сведения шпионского характера о военно-экономиче-

ской мощи Советского Союза, и что, якобы, я дал планы городов Ташкента, Свердловска и др., в которых я никогда не был»⁷⁹.

Писал Матвей Герман и о том, почему он был вынужден дать «признательные показания» в измене Родине – «следователь Дмитриев содержал меня, 24-х летнего юношу, испытавшего ужасы немецкого плена, вернувшегося из плена седым и лысым человеком, в течение 4-х суток в силосной яме 2,5 метра глубиной, наполненной водой, в которой плавали лягушки».

Офицеры Главной военной прокуратуры, изучив доводы жалобы, пришли тем не менее к выводу, что М. И. Герман осужден обоснованно.

Матвей Иванович продолжал писать. И весной 1955 года последовал все же протест военного прокурора, на основании которого приговор был изменен военным трибуналом Прибалтийского военного округа. Учли, что Герман дважды пытался бежать из плена, «но задерживался немцами и подвергался репрессиям, на иждивении имеет престарелую мать».

Наказание трибунал снизил до 10 лет, то есть до фактически отбытого Германом, но клеймо изменника не было снято.

В 1964 году, в День Победы, Матвей Иванович решился написать еще одну жалобу. Дело возбудили по вновь открывшимся обстоятельствам, но в итоге просьбу осужденного о пересмотре дела вновь оставили без удовлетворения.

В очередной раз вопрос о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам Главная военная прокуратура возбудила только в 1989 году. Хотя никаких новых обстоятельств Матвей Иванович в жалобе не излагал. Новым оказалось само время. Оно обязывало, заставило, наконец, всерьез обратиться к изучению трагической судьбы лейтенанта Германа. Но опять же – время теперь серьезно осложняло эту задачу. Объем работы предстоял громадный, о чем свидетельствует один лишь перечень вопросов, подлежащих выяснению: «В соответствующих органах и архивах установить, существовало ли в лагере Офлаг – 57 в местечке Погнен „Техническое бюро“... Установить других, кроме Германа, военнопленных, которые работали в бюро... Осмотреть архивные дела на Миронихина К. В., Холуянова А.Ф...».

Не будем далее утомлять читателя перечислением вопросов, изученных в ходе дополнительной проверки. Всего таких пунктов в постановлении Главной военной прокуратуры о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам было двенадцать. И это только по одному делу. А в производстве каждого офицера отдела реабилитации таких материалов одновременно тогда находилось по несколько десятков.

И все же, по итогам сложной и кропотливой работы, длившейся полгода, Военная коллегия 5 сентября 1989 года пришла к однозначному решению, что никакой вины в действиях Германа нет и не было. Лейтенант Военно-морского Флота был, наконец, реабилитирован.

---

⁷⁹ Надзорное производство Главной военной прокуратуры №7476—52 по делу Германа М. И.

Глава 3. Искупление кровью

1. Исполнение приговора отсрочить, разжаловать в рядовые

Приток свежих сил для пополнения обессиленных и поредевших в боях частей в значительной степени осуществлялся за счет осужденных. С началом войны каждый пятый заключенный, а их находилось тогда в Гулаге около 2,3 млн. человек, был досрочно освобожден от отбывания наказания и направлен на фронт. Всего до конца 1941 года армия пополнилась 420 тысячами бывших заключенных. С учетом же постановлений ГКО об использовании спецконтингента за три года на фронт было направлено около 1 млн. ранее осужденных.⁸⁰ Кроме того, в военное время очень широко применялся институт отсрочки исполнения приговоров. Так, во второй половине 1941 года трибуналы приговорили к лишению свободы около 66% осужденных военнослужащих. Из них отсрочку предоставили 42%. В 42-м году эти цифры составили, соответственно, 80 и 54%, а в 43-м – 88 и 61%⁸¹. Даже если судить по неполным данным Генерального штаба, то из 994,3 тыс. военнослужащих, осужденных трибуналами, к 422,7 тыс., то есть почти половине была применена отсрочка исполнения приговора с направлением осужденных в действующую армию⁸².

Единственным, но обязательным условием применения отсрочки являлось осуждение военнослужащего без поражения его в правах. Но судьи иногда забывали об этом. Так, военным трибуналом одной из стрелковых дивизий Северо-Западного фронта красноармейцы Конов и Хусаинов были осуждены по закону от 7 августа 1932 года на 10 лет лишения свободы каждый, с применением отсрочки и направлением в действующую армию. Между тем, этот закон в обязательном порядке предусматривал для виновных поражение прав. Поэтому военный трибунал фронта определением от 26 апреля 1942 года исключил из приговора указание на применение к осужденным примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР⁸³.

Надо сказать, что институт отсрочки исполнения приговоров, с направлением осужденных в действующую армию, оказался в годы войны весьма эффективным средством исправления осужденных. Большинство солдат и офицеров, нарушивших закон, но сохраненных таким образом для армии, как правило, самоотверженной службой в короткий срок искупали свою вину.

Осужденного трибуналом 25 августа 1941 года за преступную халатность командира эскадрильи И. П. Неустроева вместо 10 лет лагерей направили для исправления в свою часть, применив примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР. И он с 26 августа по 15 сентября 1941 года в 18 воздушных боях сбил 5 самолетов противника лично и 6 – в группе с другими летчиками, а в конце года получил два боевых ордена⁸⁴. В 1943 году Ивану Павловичу было присвоено звание Героя Советского Союза, а к концу войны он довел число своих побед до 23, сбив лично 17 и в группе – 6 самолётов противника.

Нередко вину искупали буквально в день суда. К примеру, военный трибунал 2-й дивизии народного ополчения Ленинградского фронта осудил с применением отсрочки двух солдат. Пока слушалось дело и объявлялся приговор, «судебный зал» (штаб батальона) был отрезан немцами от частей дивизии. Осужденным выдали оружие, и они вместе с конвоирами

---

⁸⁰ Военно-исторический журнал. №9. 1990. с. 9.

⁸¹ Архив военной коллегии, наряд №99. с. 301.

⁸² Россия и СССР в войнах 20 века. Потери вооруженных сил. М. Олма-пресс. 2001.

⁸³ Архив военной коллегии. Оп. 4. Наряд 013/4. т. 3.

⁸⁴ Военные трибуналы – органы правосудия в Вооруженных Силах СССР. М. Воениздат. 1988. с. 151.

и судьями выбили группу немцев из населенного пункта, соединившись с основными силами. После боя трибунал снова открыл заседание: было решено освободить осужденных от наказания за мужество и находчивость, проявленные в схватке с врагом.

Сержант Толстых, осужденный с отсрочкой исполнения приговора, в июле 1942 года получил в бою ранение. В период нахождения на излечении в медсанбате он был досрочно освобожден от отбывания наказания и получил предписание следовать в тыловую часть. Узнав об этом, Толстых заявил:

– Если так, то я в тыл не пойду. Подлечусь здесь и снова пойду бить фашистских мерзавцев⁸⁵.

На первых порах осужденные с отсрочкой продолжали служить не в штрафных, а в обычных войсковых частях. Поскольку их конвоирование или охрана при отправке на фронт не предусматривались, нередко такие осужденные дезертировали и снова совершали преступления. Например, Афонин в 1942 году был осужден военным трибуналом Рязанского гарнизона за дезертирство к 5 годам лишения свободы с отправкой на фронт. В пути следования он дезертировал и в марте 1943 г. тем же трибуналом был осужден к 7 годам лишения свободы с отсрочкой. Следуя на фронт, Афонин снова дезертировал и в мае того же года был в очередной раз осужден на 10 лет лишения свободы. И опять с отсрочкой. Из воинской части Афонин дезертировал в четвертый раз и стал заниматься грабежами⁸⁶.

26 января 1944 года был издан совместный приказ НКО, НКВД, НКЮ и Прокурора Союза ССР №004/0073/006/23сс, предписывавший отправлять осужденных с отсрочкой исполнения наказания вместе с сопровождающим в штрафные части. Этим же приказом предписывалось не применять отсрочку к осужденным за контрреволюционные преступления, бандализм, разбой, грабежи, к ворам-рецидивистам, лицам, имевшим уже в прошлом судимость за перечисленные преступления, а также к неоднократно дезертировавшим из Красной Армии.

Отсрочку применяли как к рядовым бойцам, так и к офицерам и генералам. Последних при этом, как правило, лишали воинских званий и отправляли в окопы рядовыми. Так, командир 147-й стрелковой дивизии генерал-майор А. Вольхин был лишен судом генеральского звания и отправлен на фронт простым бойцом. Через несколько месяцев его участь разделил назначенный командиром все той же 147-й стрелковой дивизии генерал-майор Н. Москвин. Остатки дивизии Николай Афанасьевич принял под свое командование 21 сентября 1942 года. А 23 января 1943 года был осужден Военной коллегией к 10 годам лишения свободы с применением примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и лишением воинского звания за то, что, получив от командующего армией боевой приказ об овладении западной окраиной Синявино, проявил преступную бездеятельность и потерял управление дивизией⁸⁷. В качестве простого солдата его также отправили в окопы.

Повоевать рядовыми довелось немало числу боевых генералов – и строевым командирам, и тыловикам. Например, 27 июня 1942 года заместителем наркома обороны был издан приказ №0522, которым объявлялся приговор военного трибунала Западного фронта. В приказе говорилось, что в соответствии с приказом НКО от 9 мая 1942 года №0362 были преданы суду и осуждены за срыв снабжения 50-й армии и неподготовленность армейских дорог к весенней распутице начальник тыла 50-й армии Западного фронта генерал-майор интендантской службы Сурков, военный комиссар управления тыла армии старший батальонный комиссар Нарышкин, начальник отдела продовольственного снабжения той же армии интендант I ранга

⁸⁵ Архив военной коллегии. Оп. 4. Наряд 013/4. т. 2.

⁸⁶ Из доклада начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР А.М. Леонтьева от 30 августа 1944 г. (Цит. по – Кокурин А. И., Владимирцев Н. И. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939—1956). М. Объединенная редакция МВД России. 2008).

⁸⁷ Там же. Оп. 5. Наряд. 58. Копии приговоров на высший командный и начальствующий состав РККА в 1943 г.

Захарьев, начальник организационно-планового отдела управления тыла полковник Комлев, начальник автодорожного отдела военинженер 1 ранга Самошенков, начальник отдела ГСМ военинженер I ранга Лисицын и начальник отделения (по хлебопечению) продовольственного отдела военинженер 2 ранга Хохлов. Сурков, Нарышкин и Комлев были осуждены к расстрелу; Захарьев, Самошенков и Хохлов – на 10 лет лишения свободы каждый, с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий. Кроме того, все осужденные были лишены военных званий.

Между тем, разжалованного генерала К. В. Суркова не расстреляли. К нему (а также к Нарышкину и Комлеву) Военная коллегия, изменив приговор военного трибунала Западного фронта, тоже применила примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР и отправила осужденных в действующую армию⁸⁸.

Вскоре за К. В. Суркова похлопотал перед И. В. Сталиным командующий Донским фронтом К. К. Рокоссовский и Суркову вновь присвоили генеральское звание. Нашли и соответствующую этому званию должность – его назначили начальником тыла 2-й танковой армии.

Так же непросто сложилась на фронте судьба начальника тыла Северо-Западного фронта генерал-майора интендантской службы Н. А. Кузнецова. Он был арестован 13 января 1942 года. А 6 февраля военный трибунал фронта приговорил его и военного комиссара управления тыла фронта бригадного комиссара И. П. Лопухова к расстрелу за совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 193—17 п. «б» и 193—20 УК РСФСР. Им вменялось в вину, что в конце 1941 года по причине халатности и «элементов морально-бытового разложения» они не организовали должным образом работу тыловых органов. В силу этого, отмечалось в приговоре, в период подготовки войск фронта к наступлению Кузнецов и Лопухов «не приняли решительных мер к полному всестороннему обеспечению войск фронта продовольствием, фуражем и горючим», не подготовили «грунтовые дороги для передвижения автотранспорта», не организовали регулирование его движения на этих дорогах и не приняли мер к сохранности имущества в домах эвакуированных с Валдая граждан. Кузнецов, кроме того, был обвинен в том, что при отступлении в первые дни войны из Прибалтики не принял мер к «эвакуации или уничтожению разных военных складов», которые достались противнику, а 26 декабря 1941 года сбил на своем служебном автомобиле регулировщика, попавшего с травмами в госпиталь⁸⁹.

Ни Кузнецов, ни Лопухов вину в совершении этих преступлений не признали. Они заявили, что имевшиеся недостатки при подготовке наступательной операции были обусловлены объективными трудностями. В частности, Н. Кузнецов утверждал:

– Как для меня, так и для Военного совета, для начальника штаба было совершенно ясно, что запасов на проведение операции нет. Железнодорожные поставки могли производиться лишь по одной находившейся в распоряжении Генштаба ветке, по которой снабжался также соседний Калининский фронт и 52-я армия. Я неоднократно докладывал об этом Военному совету, говорил о том, что минимальная потребность в запасах на операцию составляет до 30 поездов и что мы скоро и текущую потребность войск будем не в состоянии обеспечить. Командующий войсками генерал Курочкин после моих докладов обычно заявлял: «Буду звонить Сталину, еще 2—3 дня и окончатся оперативные перевозки, а там нам сразу будет подано все».

Военный трибунал фронта не внял доводам обвиняемых и приговорил их к расстрелу. Когда приговор попал к уполномоченному Ставки Н. Булганину, тот наложил на нем следующую резолюцию: «1. Приговор в части лишения звания Кузнецова и Лопухова утвердить. 2.

⁸⁸ Текст определения Военной коллегии от 30 июня 1942 года – Приложение №1 к главе 3.

⁸⁹ Надзорное производство военной коллегии №1н – 0128. с. 2—3.

Расстрел заменить лишением свободы с направлением на фронт с предоставлением рядовой работы по решению Военного совета Северо-Западного фронта. Булганин»⁹⁰.

После этого, определением Военной коллегии от 25 февраля 1942 года Кузнецову и Лопухову расстрел был заменен 10 годами лишения свободы каждому, с отсрочкой исполнения приговора и направлением их в действующую армию.

Через несколько месяцев начальнику тыла РККА генералу А. В. Хрулеву удалось вернуть Кузнецову и звание и должность. По представлению Военного совета фронта судимость с него и Лопухова была снята. По воспоминаниям сослуживцев, он оказался хорошим организатором и очень хорошо проявил себя на фронте в дальнейшем⁹¹. Однако вопрос о прекращении этого дела за отсутствием в действиях Кузнецова и Лопухова был поставлен Генеральным прокурором СССР только в 1981 году. При проверке дела был тогда, в частности, допрошен генерал-лейтенант в отставке Сакович, сменивший Кузнецова на должности начальника тыла фронта после его ареста. Он утверждал, что Кузнецов честно и добросовестно выполнял свои обязанности и не его вина в том, что запасы для наступательной операции не были своевременно подвезены. Об этом хорошо было известно военному совету и Булганину, который после провала операции решил свалить всю вину на Кузнецова. Отсутствовала его вина и по всем другим предъявленным пунктам обвинения. Поэтому на Пленуме Верховного Суда СССР, состоявшемся 16 апреля того же года, протест Генерального прокурора был удовлетворен и дело в отношении Н. А. Кузнецова и И. П. Лопухова прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления.

2. Дисциплинарные, штурмовые, штрафные...

Долгое время какие-либо упоминания о штрафных батальонах можно было встретить только в художественной литературе. В известной песне В. Высоцкого о том, как в прорыв идут штрафные батальоны. Или в стихах В. Кондратьева – «Вместо „ура“ – и в бога и в мать! Это штрафной пошел наступать».

Документы стали доступны исследователям только в 90-е годы. Были опубликованы воспоминания штрафников и командиров штрафных рот⁹². Но до сих пор при освещении этой непростой темы допускаются неточности и искажения. К примеру, смешивают такие понятия как дисциплинарные, штрафные и штурмовые части. Между тем, их правовой статус существенно разнится.

Направление в дисциплинарный батальон всегда являлось одним из видов уголовного наказания, применяемого только к рядовым бойцам. Вскоре после начала войны большинство дисциплинарных батальонов расформировали, оставив лишь несколько частей на Дальнем Востоке.

В штурмовые батальоны, наоборот, направляли офицеров, содержащихся в спецлагерях⁹³. Причем, во внесудебном порядке.

Решение о создании таких батальонов было принято И. В. Сталиным 1 августа 1943 года. В этот день он подписал приказ народного комиссара обороны №1348 «О формировании отдельных штурмовых стрелковых батальонов»⁹⁴, поручив командующим войсками Московского, Приволжского и Сталинградского военных округов сформировать к 25 августа из ком-

⁹⁰ Там же, с. 3

⁹¹ В 1944—1945 годах генерал-лейтенант Н. А. Кузнецов был начальником тыла Карельского и 2-го Прибалтийского фронтов.

⁹² В числе первых были опубликованы мемуары А. В. Пыльцына «Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина». СПб. Знание. ИВЭСЭП. 2003.

⁹³ В феврале 1945 г. переименованы в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД.

⁹⁴ Приложение №2 к главе 3.

начсостава, содержавшегося в спецлагерях НКВД⁹⁵ четыре штурмовых стрелковых батальона численностью 927 человек каждый⁹⁶.

Штурмовые части формировались в основном за счет вышедших из окружения или побывавших в плену командиров и политработников, то есть лиц, запятнавших этим, по мнению Сталина, свое имя.

Таким образом, Верховный главнокомандующий давал им шанс для искупления вины. Директива предписывала, что военнослужащие штурмовых частей при наличии хороших аттестаций могли быть назначены на соответствующие должности комначсостава, которые они занимали до того, как находились на территории, оккупированной врагом. Офицерских званий в штурмовых батальонах тоже не лишали. В красноармейских книжках делали запись – «красноармеец-лейтенант», или «красноармеец-майор».

В директиве подчеркивалось, что штурмовые батальоны должны использоваться на «наиболее активных участках фронта». И их бросали на штурм туда, где было труднее всего. Поэтому на местах такие батальоны иногда именовали в документах как штурмовые истребительные батальоны. Потери были огромными. Хрестоматийным является пример о том, как 12-й ОШСБ 3-го Прибалтийского фронта за несколько дней в ходе ожесточенных боёв 1944 года лишился 3/4 своего состава.

Это дает основания говорить, что штурмовые батальоны использовались командованием так же как и как штрафные батальоны.

В Уголовном кодексе РСФСР не было такого вида наказания, как направление в штрафные части. Военные трибуналы направляли туда лишь тех бойцов и командиров, которые были осуждены к лишению свободы с применением отсрочки исполнения приговора⁹⁷, о командование и Военные советы – вообще во внесудебном порядке⁹⁸.

Согласно статистическим данным этот порядок получил широкое распространение. Так, в первой половине 1944 года в штрафных частях 1-го Украинского фронта 45,7% лиц были направлены туда властью командования, а остальные являлись осужденными военными трибуналами с отсрочкой исполнения приговора.

Штрафные батальоны (для офицеров) и штрафные роты (для рядовых) были сформированы вскоре после издания приказа НКО №227 от 28 июля 1942 года. Причем, в этом приказе утверждалось, что гитлеровское верховное командование к началу 1942 года уже создало у себя аналогичные части – около 10 штрафных батальонов и более 100 штрафных рот, а также специальные отряды заграждения⁹⁹.

Причины, по которым такие же части вводились в Красной Армии, указывались в приказе:

⁹⁵ Такие спецлагеря были созданы на основании решения ГКО №1069сс от 27 декабря 1941 г. и приказа НКО СССР №0521 от 29 декабря того же года. С момента создания и до 1 октября 1944 г. через спецлагеря прошло 421 199 чел., в том числе 354 592 военнопленных и окруженца (Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект). Социологические исследования. 1991. №7. с.3—16).

⁹⁶ В 1944 г. было создано еще 18 ОШСБ, в 1945 г. – 7.

⁹⁷ 16 октября 1942 года был принят приказ НКО №323 «О направлении в штрафные части военнослужащих, осужденных военными трибуналами с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны».

⁹⁸ В приказе НКО №0413 предписывалось командирам полков, дивизий и им равных частей «направлять своей властью в штрафные роты лиц сержантского и рядового состава за некоторые виды преступлений». К их числу были отнесены: самовольная отлучка, дезертирство, неисполнение приказаний, кража военного имущества, нарушение уставных правил караульной службы и иные воинские преступления. Начальники гарнизонов, кроме того, могли направлять в штрафные роты задержанных дезертиров.

⁹⁹ Всего в ходе зимней кампании 1941—1942 г. военные трибуналы Вермахта осудили, в том числе с направлением осужденных в штрафные части, около 62 тыс. солдат и офицеров. (Мягков М. Ю. Вермахт у ворот Москвы. 1941—1942 / РАН. Институт всеобщей истории. М. 1999).

«... Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину... Из этого следует, что пора кончить отступление. Ни шагу назад! ... Мы должны остановить, а затем разгромить и отбросить врага, чего бы это нам ни стоило...»¹⁰⁰.

Командующим и Военным советам фронтов предписывалось сформировать в пределах фронта от одного до трех штрафных батальонов (на 800 человек), куда направлять командиров и политработников, «провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины».

Командующие и Военные советы армий должны были сформировать с той же целью в пределах армии от пяти до десяти штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой) для «рядовых бойцов и младших командиров»¹⁰¹.

Незавидный правовой статус «штрафников», а точнее – полное отсутствие такового, определялся специальными положениями об этих частях, утвержденными заместителем наркома обороны Г. К. Жукова и объявленными в приказе №298 от 28 сентября 1942 года¹⁰².

Право направлять военнотружущих в штрафные батальоны предоставлялось командирам дивизий и отдельных бригад. А в штрафные роты – командирам полков. Но это право использовали и военачальники более высокого ранга. Например, первый заместитель наркома обороны маршал Г. К. Жуков своим приказом №0112 от 29 апреля 1944 года отправил в штрафбат командира 342-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковника Ф. А. Ячменева, который при обороне высоты 267.0 без приказа Военного совета армии оставил противнику занимаемый рубеж. Формулировка была такой: «За невыполнение приказа военного совета армии, за оставление противнику выгодных позиций и непринятие мер к восстановлению положения, за проявленную трусость, ложные доклады и отказ от выполнения поставленной боевой задачи командира 342-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковника Ячменева Федора Абрамовича для искупления своей вины перед Родиной направить в штрафной батальон сроком на два месяца»¹⁰³.

Заместитель наркома обороны генерал-полковник Е. Щаденко издал приказ №47 от 30 января 1943 года, которым направил в штрафной батальон сроком на 3 месяца и разжаловал до рядового «младшего лейтенанта 1082-го стрелкового полка Карамалькина Семена Осиповича за критиканство, попытку оклеветать своих начальников и разложение дисциплины в своем подразделении». Из текста приказа видно, что Карамалькин направил в редакцию газеты «Красная Звезда» письмо, в котором просил вызвать его в Москву для сообщения «серьезных фактов, разоблачающих больших людей». Его вызвали, стали разбираться и пришли к выводу, что утверждения лейтенанта о том, что «многие командиры пробрались на командные должности только для того, чтобы пользоваться высоким авторитетом и спасать свою шкуру» являются голословными¹⁰⁴.

Срок пребывания в штрафных частях определялся от 1 до 3 месяцев. В приказах по полку он, как правило, конкретизировался: до трех месяцев либо до ранения в бою, совершения подвига, представления к награде. На время нахождения в штрафной части ранее полученные государственные награды у штрафников изымались и передавались на временное хранение в отделы кадров армии или фронта.

Перед направлением в штрафную часть штрафника ставили перед строем. После чего зачитывался соответствующий приказ командования или приговор военного трибунала и разъ-

¹⁰⁰ Военно-исторический журнал. 1988. №8. с. 74.

¹⁰¹ Максимальное число штрафных батальонов в 1944 г. равнялось 15, штрафных рот – 301.

¹⁰² Тексты приказа НКО и положений о штрафных частях приведены в Приложении №3 к главе 3.

¹⁰³ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 77. с. 47.

¹⁰⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 107. с. 269.

яснялась сущность противоправного деяния, за совершение которого виновный отправлялся в штрафную часть.

За неисполнение приказа, членовредительство, побег с поля боя или попытку перехода к врагу командование штрафной части наделялось правом применять к таким лицам все меры воздействия вплоть до расстрела на месте.

Устоявшимся можно считать мнение, что «штрафников» бросали на самые сложные участки фронта. В целом это соответствует истине. Как показывают архивные документы, штрафные роты и батальоны действовали преимущественно в общих боевых порядках частей и соединений, но на наиболее опасных направлениях и самых трудных участках. Бывало, что и на минные поля их бросали, где выжить было практически невозможно. Такой прием использовал, например, на завершающем этапе войны генерал П. И. Батов. Подобные факты были единичными, но нередко они являются основанием для разного рода домыслов и преувеличений. К примеру, авторы нашумевшего в свое время фильма «Штрафники»¹⁰⁵ утверждали, что только благодаря штрафным частям была выиграна Сталинградская битва. Это не соответствует действительности.

Всего, по данным Генштаба, с 1942 по 1945 годы в штрафные батальоны и роты было направлено 427910 чел. Поскольку штрафники действовали на наиболее опасных направлениях, потери постоянного и переменного составов были очень высокими. Так, среднемесячные потери переменного состава за 1944 г. составили 10506 чел., постоянного 3685 чел. А общие потери личного состава всех штрафных частей за тот же год составили 170298 чел.¹⁰⁶

Надо сказать, что наделение командования правом направлять военнослужащих во внесудебном порядке в штрафные части нередко приводило к разного рода злоупотреблениям предоставленной властью. Командиры порой сводили таким образом счеты с неугодными им подчиненными. Бесчинствовал и постоянный состав штрафных частей.

В обзоре военного трибунала Западного фронта о практике применения приказа НКО №0413 за 1943 год отмечалось:

«Особенно безобразно выглядит случай расстрела 3-х красноармейцев 61-й штрафной роты. Эта рота не поднялась в атаку, через 4 дня после этого, когда рота была отведена в тыл, 3 первых попавшихся красноармейцев по приказу полковника Разумовского были расстреляны.

Командный состав этой роты не знал личный состав, учет его в роте отсутствовал. В середине октября несколько штрафников перешли на сторону немцев. Следствие до настоящего времени не смогло установить ни количества перешедших, ни их фамилий»¹⁰⁷.

Документы зафиксировали также неединичные случаи повального направления в штрафные части военнослужащих, совершивших малозначительные дисциплинарные проступки. В результате этого численность штрафных подразделений реально превышала определенную приказом №227 в 2—3 раза. Исследовавший в свое время этот вопрос сотрудник Института военной истории А. Емелин утверждал, что «штрафники», отправленные в такие части командованием, не считались осужденными и их учет не велся. Поэтому по самым осторожным прикидкам Института военной истории за годы Великой Отечественной войны через штрафные части прошло около 1,5 миллиона человек¹⁰⁸.

Цифра огромная. Однако до сего времени мало что известно о судьбах этих людей. О многочисленных, порой массовых примерах доблести и героизма, проявленных «штрафниками». Мы расскажем лишь о некоторых из них.

¹⁰⁵ Штрафники. ЦСДФ. 1989, творческое объединение «Риск».

¹⁰⁶ Россия и СССР в войнах 20 века (статистическое исследование).

¹⁰⁷ Цит. по исследованию Ю. С. Фурменкова, «Отсрочка исполнения приговора военнослужащим в военное время». Военный институт. 1991 г.

¹⁰⁸ Известия, 9 мая 1990 г.

3. В прорыв идут штрафные батальоны

Передо мной обобщенные сводки военных трибуналов, конкретные приговоры и решения о досрочном освобождении из штрафных частей. Безликие цифры. И живые люди. Потрясающие воображение примеры проявленной доблести и героизма.

Находившийся в штрафбате старший лейтенант Белоножко¹⁰⁹, будучи тяжелораненым – у него почти полностью оторвало ступню ноги, – сам отрезал ее и, не оставив поле боя, продолжал вести огонь по противнику. Освобожден досрочно.

Рядовой 244-й штрафной роты В. В. Санаев в бою за населенный пункт своим телом прикрыв амбразуру вражеского дзота, обеспечив выполнение ротой поставленной задачи. Аналогичный подвиг совершил на Синявинских высотах боец 14-го отдельного штрафного батальона Владимир Ермак, о котором рассказано ранее.

Можно привести сотни примеров массового героизма штрафников. А массовый героизм под дулом пулеметов невозможен. Подчеркну это особо, чтобы развеять еще один устоявшийся стереотип. В. Кондратьев писал, что штрафные части наступали лишь под прицелом «станкового пулемета заградотрядчиков, нацеленного на идущих в это обреченное наступление, в котором не остановиться, не отойти ни на шаг»¹¹⁰.

Это утверждение писателя-фронтовика не соответствует действительности. «Штрафники» в абсолютном большинстве случаев наступали без стоявших непосредственно за ними заградительных отрядов, которые, если они и были на этом участке фронта, то находились на значительном удалении от передовой. И свои беспримерные подвиги эти люди совершали вовсе не из-за страха получить пулю в затылок.

А. В. Пыльцын, воевавший командиром взвода и роты в 8-м Отдельном штрафбате 1-го Белорусского фронта, в своей книге¹¹¹ писал о рейде штрафников по фашистским тылам: «Закончился этот действительно беспримерный рейд батальона штрафников в тыл противника. И никаких заградотрядов, о чем многие хулители нашей военной истории говорят и пишут, не было, а была вера в то, что эти бывшие офицеры, хотя и провинившиеся в чем-то перед Родиной, остались честными советскими людьми и готовы своей отвагой и героизмом искупить свою вину, которую, надо сказать, в основе своей они признавали полностью».

По результатам этого рейда многие штрафники были награждены и освобождены от наказания.

О примерах массового героизма штрафников свидетельствуют многочисленные докладные записки военных трибуналов фронтов, которые автору довелось изучать в ведомственном архиве Управления военных трибуналов. Например, весь личный состав штрафной роты 118-й стрелковой дивизии приказом Военного Совета 31-й армии за отличное выполнение боевого задания был досрочно отчислен из этой роты и переведен в общевойсковые части, а штрафная рота – расформирована.

В другой докладной отмечалось:

«В 53-ю гвардейскую стрелковую дивизию прибыло 1200 штрафников, из которых было сформировано 3 роты, 1-я рота была придана 161 гвардейскому стрелковому полку. Полку была поставлена задача освободить деревни Веревкино и Козлово. Эту задачу полк выполнил, штрафники первыми ворвались в деревню. Один из штрафников первым вышел на горку и водрузил там Красный флаг, но тут же был ранен. Штрафники дрались самоотверженно и мужественно. Среди штрафников были большие потери убитыми и ранеными – около

---

¹⁰⁹ Инициалы в донесении не указаны. А. В. Пыльцын приводит этот пример в своих книгах, не ссылаясь на первоисточник – Звягинцев В. Е. Война на весах Фемиды. М. ТЕРРА-Книжный клуб. 2006.

¹¹⁰ Литературная газета, 31 января 1990 г.

¹¹¹ Пыльцын А. В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина.

60% личного состава. Генерал Клешнин и командир штрафной роты Белозерцев дали хорошую оценку бойцам-штрафникам. Сразу после боя 50 чел. получили гвардейские значки. С 19 по 22.03 было удовлетворено 40 ходатайств командования об освобождении от наказания. В 53-ю армейскую штрафную роту в первых числах марта прибыло 520 штрафников. С 9 по 20 марта 1943 г. рота участвовала в боях за овладение дер. Борок и дер. Семушкина Горушка. За время боев ранено 369, убито 100 чел. В первые дни боев представлено к наградам 3 военнослужащих штрафной роты. К 22 марта поступило 100 ходатайств об освобождении от наказания, еще три красноармейца штрафной роты были представлены к государственным наградам. Кроме того, в ближайшее время поступит еще 60 ходатайств об освобождении от наказания»¹¹².

Ходатайств командования о досрочном снятии судимости было так много, что военные трибуналы рассматривали их прямо в расположении штрафных рот и батальонов, а нередко – в госпиталях и лазаретах, поскольку многие смывали судимость своей кровью. Надо сказать, что институт досрочного снятия судимости в военное время применялся очень широко. Указом от 14 декабря 1941 года такое право было предоставлено Военным советам фронтов¹¹³, а Указом от 26 февраля 1943 года – военным трибуналам. Об интенсивности этого процесса могут свидетельствовать следующие цифры. Уже в марте 1943 года трибуналы Воронежского фронта сняли судимость с 2026 человек, в том числе с 767 «штрафников».

Прежде чем рассказать еще об одном удивительном случае досрочного освобождения, следует пояснить, что в штрафные части не направлялись военнослужащие старше 45 лет и лица, сверстники, которых не были призваны (мобилизованы) в армию. На сей счет Управление военных трибуналов и Главная военная прокуратура 19 октября 1942 года издали специальное указание. Что же касается женщин-военнослужащих, то запрета на их направление в штрафные части не было. Казалось, что это и так ясно, является само собой разумеющимся. Оказалось – нет. К примеру, военным трибуналом 164-й стрелковой дивизии была осуждена с отсрочкой и направлением в штрафную часть военнослужащая Кондратьева. Она храбро сражалась с врагом в составе штрафной роты, приданной 379-й стрелковой дивизии. Ей не только досрочно сняли судимость, но и в числе восьми штрафников этой роты за мужество и героизм, проявленные в бою 13 марта 1943 года, представили к государственной награде¹¹⁴.

Случаев направления женщин в штрафные части было несколько. Поэтому соответствующий запрет был установлен в директиве начальника Главного управления военных трибуналов, направленной на места 5 октября 1943 года.

Штрафные части действовали на фронтах до конца войны и даже активно участвовали в штурме Берлина.

4. Заградотряды

Многие связывают появление заградительных отрядов с изданием приказа Наркомата Обороны №227 от 28 июля 1942 года. На самом деле они начали действовать с первых дней войны, поскольку соответствующий опыт их использования был наработан командованием РККА давно – еще в годы гражданской, а затем и финской войн.

Уже 27 июня 1941 года в соответствии с директивой 3-го управления НКО СССР №35523 создавались подвижные контрольно-заградительные отряды на дорогах, железнодорожных узлах и в других местах для задержания дезертиров и подозрительных элементов.

¹¹² Архив военной коллегии. Оп. 5. Наряд №018/4. с. 73.

¹¹³ Порядок снятия судимости в военное время был детализирован в принятой 15 января 1942 г. секретариатом Президиума Верховного совета СССР «Инструкции о порядке снятия судимости с военнослужащих, отличившихся в боях с немецкими захватчиками».

¹¹⁴ Архив военной коллегии. Оп. 5. Наряд №018/4. с. 92.

17 июля 1941 года бригадный комиссар Михайлов отмечал в своем донесении: «Только в одном 6 стрелковом корпусе за первые 10 дней войны задержано дезертиров и возвращено на фронт 5000 человек... Всего же по неполным данным заградотрядами задержано за период войны около 54 000 человек, потерявших свои части и отставших от них, в т. ч. 1300 человек начсостава. Задержанные переданы в пересыльные пункты, откуда направлены во вновь формируемые части. Из числа задержанных привлечено к ответственности за дезертирство 1147 человек, осуждено судом Военного трибунала фронта – 546 человек. 72% осужденных приговорены к расстрелу»¹¹⁵.

Заградительные функции возлагались и на другие органы. Так, из донесений начальника Можайского сектора охраны Московской зоны видно, что сектор выполнял задачу своегообразного заградительного отряда. В донесении на имя члена Военного совета Западного фронта Н. Булганина от 20 октября 1941 года говорилось, что «с 15 по 18.10.41 г. задержано 23 064 чел. военнослужащих Красной Армии. Из этого количества задержанных 2164 чел. являются лицами начальствующего состава»¹¹⁶.

О деятельности заградотрядов немало упоминаний в мемуарной литературе. Так, в воспоминаниях генерала армии П. Н. Лашенко отмечается: «Заградительные отряды находились в удалении от передовой, прикрывали войска с тыла от диверсантов и вражеских десантов, задерживали дезертиров, которые, к сожалению, были, наводили порядок на переправах, направляли отбившихся от своих подразделений солдат на сборные пункты»¹¹⁷.

Военный прокурор 43-й армии Б. И. Алексеев вспоминал, что осенью 1941 года по его инициативе штабом армии были созданы заградительные отряды для задержания «неорганизованно отходящих с линии фронта бойцов». Для работы в этих отрядах он выделил двоих военных следователей, проводивших одновременно следственные действия в запасных частях, в которые направлялись задержанные заградотрядами бойцы и командиры. Один из таких задержанных, являвшийся офицером батальона охраны, заявил следователю, что оставил поле боя только потому, что его подчиненные сдались в плен врагу. Военный следователь выехал для проверки его показаний на передовую, где обследовав окопы, установил, что в плен солдаты не сдавались, а самоотверженно сражались с врагом и погибли в том бою. После этого уголовное дело было передано в военный трибунал, который приговорил дезертира к расстрелу¹¹⁸.

В первые месяцы войны деятельность заградотрядов не имела законодательного закрепления. Но уже в августе-сентябре 1941 года Ставка ВГК начала направлять командующим отдельных фронтов соответствующие директивы. Например, командующему войсками Брянского фронта А. Ерёменко было разрешено создать заградительные отряды в тех дивизиях, которые проявили себя «как неустойчивые», поставив перед этими отрядами задачу – не допускать самовольного отхода частей с занимаемых позиций, «а в случае бегства – остановить, применяя необходимое оружие». Тогда же, 12 сентября 1941 года И. Сталин лично набросал текст директивы, которая была направлена командующим и Военным советам всех фронтов. В ней говорилось:

«Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: «Нас окружили!» и увлекают за собой остальных бойцов. В результате подобных действий этих элементов дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть и потом одиночками начинает выходить из леса. Подобные явления имеют место на всех фронтах...

¹¹⁵ Цит. по книге – Скрытая правда войны: 1941 г., неизвестные документы. М. Русская книга. 1992.

¹¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 18. с. 10.

¹¹⁷ Военно-исторический журнал. 1998. №8. с.77.

¹¹⁸ Ушаков С., Стукалов А. Фронт военных прокуроров. М. 2000. с. 184—185.

1. В каждой стрелковой дивизии иметь заградительный отряд из надежных бойцов, численностью не более батальона.

2. Задачами заградительного отряда считать прямую помощь комсоставу в установлении твердой дисциплины в дивизии, приостановку бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия...

Продиктовано лично тов. Сталиным. Б. Шапошников

12 сентября 1941 г. 23.50»¹¹⁹.

Между тем, наибольшее распространение деятельность заградительных отрядов действительно получила после издания приказа №227.

Этим приказом предписывалось «сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной».

Во исполнение приказа командованию отдельных фронтов были направлены дополнительные директивы. В частности, соответствующие указания командующему и члену военного совета Сталинградского фронта были изложены в директиве Ставки ВГК от 31 июля 1942 года №170542.

Всего к октябрю 1942 года было сформировано 193 заградительных отряда, подчиненных Особым отделам. Наиболее активно они действовали на Сталинградском и Донском фронтах. В справке Особого отдела, направленной в октябре 1942 года в Управление особых отделов НКВД СССР о деятельности заградительных отрядов указывалось, что всего отрядами с начала их формирования (со 2 августа по 15 октября 1942 года) было задержано 140755 военнослужащих, сбежавших с передовой линии фронта: «Из числа задержанных арестовано 3980 человек, расстреляно 1189 человек, направлено в штрафные роты 2276 человек, штрафные батальоны – 185 человек, возвращены в свои части и на пересыльные пункты 131094 человека. Наибольшее число задержаний и арестов произведено заградительными отрядами Донского и Сталинградского фронтов...»¹²⁰. В этой же справке приводились конкретные примеры деятельности заградительных отрядов. Например, отмечалось: «14 сентября с.г. противник принял наступление против частей 399 стрелковой дивизии 62 армии, несших оборону города Сталинграда. Бойцы и командиры 396 и 472 стрелковых полков в панике стали отходить, оставляя рубежи. Начальник заградотряда (мл. лейтенант госбезопасности Ельман) приказал своему отряду открыть огонь над головами отступающих. В результате личный состав этих полков был остановлен и через 2 часа полки заняли прежние рубежи своей обороны».

В итоге, заградительные отряды сыграли свою роль. Положительной ее язык не поворачивается назвать. Но факт остается фактом – с помощью этих чрезвычайных мер массовое бегство с поля боя было остановлено, а значительное число бойцов и командиров – возвращено на передовую. Тех, разумеется, кто не был расстрелян. А расстреливали немало. Но чаще стреляли все же не бойцы заградительных отрядов, как это принято считать.

В докладных записках начальников особых отделов, направляемых в центр из-под Сталинграда, приводились многочисленные случаи расстрелов военнослужащих за отход с занимаемых позиций уже после их ареста. Так, из докладной записки от 17 февраля 1943 года следовало, что за 4 месяца (с 1 октября 1942 года по 1 февраля 1943 года) Особыми отделами Донского фронта было арестовано 203 военнослужащих, бежавших с поля боя, из них:

«а) приговорено к ВМН и расстреляно перед строем 49 ч.

б) осуждено к различным срокам ИТЛ и направлено в штрафные роты и б-ны 139 ч.

¹¹⁹ Впервые опубликовано Д. А. Волкогоновым. Октябрь. №7. 1989. с. 50.

¹²⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 14. Оп. 4. Д. 386. Л. 22—24.

Кроме того, расстреляно перед строем по постановлениям особорганов 120 трусов и паникеров»¹²¹.

Когда положение на фронтах изменилось в лучшую сторону, приказом НКО №349 от 29 октября 1944 года заградительные отряды были расформированы.

5. Штрафные эскадрильи

Проблема «авиаштрафников» до недавнего времени серьезно не исследовалась.

Среди фронтовиков бытовало мнение, что летчиков в годы войны в штрафные части не отправляли и вместо этого переводили в штурмовые авиаполки, где заставляли летать на Ил-2 в качестве стрелков-радиостов. Размещались они в самолете «задом наперед», то есть сидели в своей незащищенной кабине лицом к хвосту и часто гибли.

Действительно, в годы войны существовала практика наказания провинившихся летчиков определенным числом «штрафных» вылетов в качестве стрелка. Так, летчик-истребитель Л. З. Маслов припомнил фронтовой эпизод, когда в воздушном бою 19 мая 1944 года погиб летчик 31-го истребительного авиаполка капитан Н. И. Горбунов, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза. Вину за это возложили на его ведомого лейтенанта В. Д. Мещерякова, не прикрывшего Горбунова в том бою. За это Мещеряков был осужден военным трибуналом с отсрочкой исполнения приговора и направлен стрелком на Ил-2¹²².

Летчик 566-го штурмового авиаполка Ю. М. Хухриков рассказывал, что к ним в полк присылали провинившихся офицеров, в том числе не являвшихся летчиками, и «они выполняли 10 полетов в качестве воздушных стрелков». У Героя Советского Союза летчика 820-го штурмового полка Н. И. Пургина стрелком был штрафник – летчик-истребитель майор Шацкий, у летчика 672-го штурмового полка Г. Г. Черкашина – «старший лейтенант, штурман дальнебомбардировочной авиации, который в Кременчуге по пьяному делу застрелил милиционера»¹²³.

В архивных документах порой можно встретить записи, подобные следующей: летчик 11-го истребительного авиаполка Н.Н. Исламов 21 января 1943 года осужден военным трибуналом на 8 лет, разжалован в рядовые и направлен на 3 месяца в штрафбат. Через два месяца за образцовое выполнение заданий командования и проявленное мужество судимость снята и Исламов восстановлен в звании¹²⁴.

Здесь надо отметить, что и фронтовики, и исследователи этой темы нередко путают разные понятия – «штрафники» и осужденные с отсрочкой исполнения приговора. Дело в том, что последних направляли по приговору суда как в штрафные, так и обычные части. Так вот, стрелками на Ил-2 чаще направляли тех, кто был осужден трибуналом с отсрочкой исполнения приговора и не являлся «штрафником». Например, инженер-капитана А. Л. Кадомцева, возглавившего после войны авиацию ПВО страны, военный трибунал приговорил на фронте к десяти годам лишения свободы за поврежденный при посадке Як-1. Самолет восстановили в течение полутора суток и исполнение приговора отсрочили до окончания военных действий, направив осужденного стрелком в 30-й бомбардировочный авиаполк.

Что касается «штрафников», то они «смывали вину кровью» и в сухопутных, и в «небесных» штрафбатах.

¹²¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 14. Оп. 4. Д. 912. Л. 325—328.

¹²² Драбкин А. Я дрался с асами Люфтваффе. М. Яуза, Эксмо. 2006. С. 204.

¹²³ Драбкин А. Я дрался на Ил-2. М. Яуза, Эксмо. 2005. С. 18, 39, 227.

¹²⁴ Цапов И. И., Конев В. Н., Мясников Ю. А. Гвардейцы Балтики крылатой. М. ООО Дельта НБ. 2006.

Во исполнение директивы Ставки ВГК №170549 от 4 августа 1942 года было сформировано несколько специальных штрафных авиационных эскадрилей¹²⁵. Но большинство осужденных трибуналами военных летчиков воевали все же в обычных штрафбатах.

Упомянутый нами А. В. Пыльцын написал об одном из них в своей книге:

«Среди штрафников большим усердием в овладении особенностями боевых действий пехоты отличался бывший капитан, летчик, тоже с необычной фамилией – Смешной. Это был высокий, спокойный, сравнительно молодой блондин. Смешной попал в штрафбат за то, что он, командир авиаэскадрильи, боевой летчик, имевший уже три ордена боевого Красного Знамени, перегоняя с группой летчиков по воздуху с авиазавода на фронт новенькие истребители, допустил авиакатастрофу. Один из его подчиненных, то ли решив испытать в полете машину в недозволенном режиме, то ли просто не справившись с ней в воздухе, разбил ее и погиб сам. Вот комэск и загремел в штрафбат».

Далее Пыльцын проникновенно написал о том, как Смешной совершил подвиг, подняв штрафников в атаку при форсировании реки Одер:

«Наш летчик Смешной, может еще с воды заметил немецкого фаустника и прямиком летел к его позиции. Тот, видимо, не ожидая такого неистового напора и не сумев поразить бегущего прямо на него бойца, выскочил из окопа и пустился наутек, но Смешной на ходу догнал его очередью своего автомата, и тот, сраженный, упал... Смешной, завладев арсеналом фаустника, подбил немецким гранатометом немецкий же танк. Замечательно! Не зря, выходит, этот смелый летчик на тренировках при подготовке роты к боям фактически изрешетил фаустами остов брошенного сгоревшего немецкого танка. Почти без заметной паузы еще два фауста попали во второй танк. Вначале заклинило его башню, он встал и вскоре тоже загорелся. Выскочившую из-за танков пехоту наши, успев перезарядить оружие, встретили из окопов плотным огнем, от которого многие фрицы попадали, а остальные повернули назад.

И тут как-то стихийно, почти одновременно и без моей команды штрафники поднялись из окопов и ринулись вперед. Немцы убегали. Многие из них бросали оружие, но никто не поднимал рук, чтобы сдаться. Наверное поняли, что этим отчаянным русским сдаваться неразумно. И, в общем, конечно были правы. И вдруг как только наш герой-летчик пробежал мимо убитого им фаустника, тот, оказавшийся или просто раненым, или притворявшимся, чуть приподнялся, и на моих глазах разряжая рожок своего «шмайссера» прямо в спину Смешного, стал стрелять, пока я не прикончил его, послав в его рыжую голову длинную автоматную очередь. Подбежал к летчику, повернул его лицом вверх и увидел уже остановившиеся голубые глаза, в которых отражалось совсем посветлевшее небо – то небо, которое он так любил и которому посвятил всю свою армейскую жизнь».

Среди повоевавших в обычной штрафной части Герои Советского Союза Филипп Филиппович Герасимов и Георгий Дмитриевич Костылев.

Командир авиазвена в 6-м гвардейском истребительном авиаполку гвардии лейтенант Ф. Ф. Герасимов 14 июня 1942 года был удостоен Золотой Звезды за успешное выполнение задания разведотдела штаба Черноморского флота. Он посадил самолёт «У-2» в горах Крыма, доставив партизанам радиста и рации. А через год, 10 июля 1943 года, за «недисциплинированность и пьянство» был лишен офицерского звания и направлен в штрафбат. Отбыв наказание, Герасимов был восстановлен в звании старшего лейтенанта и продолжал воевать в 9-м истребительном авиаполку ВВС Черноморского флота¹²⁶.

¹²⁵ Авиагруппа в 3-й ВА, штрафная бомбардировочная эскадрилья в 1-й ВА, три авиаэскадрильи в 8-й ВА. Текст директивы – Приложение №4 к главе 3.

¹²⁶ В 1946 г. Ф. Ф. Герасимов был осужден военным трибуналом ВВС Северо-Балтийского флота по статье 193—5 УК РСФСР (оскорбление насильственным действием начальника) на 5 лет лишения свободы. После этого был лишен воинского звания, звания Героя Советского Союза и государственных наград. Судимость снята в 1951 г. В 1965 г. восстановлен в звании Героя Советского Союза.

Г. Д. Костылев один из немногих летчиков-истребителей, не закончивших военной авиационной школы. Однако, по воспоминаниям сослуживцев, был, тем не менее, истребителем от бога, имел свой, изящный и неповторимый летный почерк. В начальный период войны он летал на И-16. Немецкие самолеты превосходили наших «ишаков» по ряду технических параметров. Но Г. Костылев умудрялся и на них одерживать победы за счет своего мастерства. Только в июле 1941 года он сбил на своем И-16 семь немецких самолетов.

Число воздушных побед Костылева быстро росло. 22 октября 1942 года немцы под прикрытием большой группы самолетов пытались высадить на острове Сухо десант. Истребители под командованием Г. Костылева сорвали эту операцию, сбив в этот день 14 самолетов противника. А на следующий день был подписан Указ о награждении Костылева за мужество и героизм, проявленные в боях с врагом, званием Героя Советского Союза.

В феврале 1943 года капитан Костылев во время краткосрочного отпуска был приглашен в гости. Увидев там стол, ломившийся от изобилия яств и алкоголя, воздушный ас, насмотревшийся перед этим на умиравших от голода блокадников, высказал офицеру-тыловику все, что он о нем думает. А затем, как писал Н. Бодрихин, «разбил стоявшую перед ним посуду, стекла пузырившегося хрусталем серванта и опрокинул майора интендантской службы, пытавшегося прикрыть хрусталь своей грудью»¹²⁷.

Воздушный ас был лишен офицерского звания и красноармейцем направлен в штрафбат на Ораниенбаумский плацдарм.

После отбытия наказания в штрафной части Г. Д. Костылев воевал в 4-м истребительном авиационном полку Балтийского флота, где летал на Ла-5 в паре со своим другом В. Голубевым и продолжал сбивать вражеские самолеты.

Среди известных летчиков, воевавших в штрафбатах – Алексей Михайлович Решетов и Иван Дмитриевич Занин, удостоенные впоследствии звания Героев Советского Союза.

Командир эскадрильи 49-го истребительного авиационного полка Иван Занин в феврале 1944 года был осужден военным трибуналом к направлению в штрафную часть. Наказание отбывал в 312-м штурмовом авиационном полку. Алексей Решетов, по его собственным словам, попал в штрафную часть за расстрел в воздухе самолета своего ведомого, неоднократно из-за трусости бросавшего ведущего в схватках с противником. По возвращении из штрафной авиагруппы он был назначен командиром эскадрильи 31-го гвардейского истребительного авиационного полка 8-й воздушной армии.

Командира штрафной авиагруппы Ивана Евграфовича Федорова некоторые историки считают самым результативным советским летчиком. А. Антонов-Овсеенко, например, писал, что И. Федоров сбил 28 самолетов в небе Испании и 95 – в годы Великой Отечественной войны¹²⁸. В одной из авиационных энциклопедий, изданной в 1994 году, говорится о сбитых Федоровым лично 49-ти и в группе – 47-ми самолетах противника. Называются и более высокие показатели. Между тем, в книге Н. Бодрихина цифры побед Федорова на порядок ниже – «более 20 самолетов». В справках же о его летной работе документально подтверждены всего 2 победы в Испании и 11 – в годы Великой Отечественной войны.

Надо сказать, что о большинстве воздушных побед и многих других невероятных историях и дуэлях И. Е. Федорова, известно из рассказов самого Ивана Евграфовича. Относиться к ним надо с известной долей осторожности, поскольку воздушный ас любил, видимо, приукрасить события, имевшие место в действительности. Между тем, его рассказ о штрафной авиагруппе, которую он возглавлял, подтвердился. В личном деле И. Е. Федорова черным по белому записано – «командир группы летчиков-штрафников»¹²⁹. Командовать «воздуш-

¹²⁷ Бодрихин Н. Г. Советские асы. Очерки о советских летчиках. М. ЗАО КФК «Тамп». 1998.

¹²⁸ Антонов-Овсеенко А. Напрасный подвиг. М. АСТ. 2003. с. 406—407.

¹²⁹ Подробнее об этом – Трагедии воздушного океана. Издательский дом «Прибой». 1999. с. 280, 293—294.

ными хулиганами» никто из асов 3-й воздушной армии не захотел. А Федоров сам считался хулиганом, имел прозвище «Анархист» и добровольно вызвался возглавить эту группу. В нее входили летчики-истребители Калугин, Минченко, Покровский и др.

По воспоминаниям И. Федорова трое летчиков попали к нему на исправление, поскольку, не дождавшись ужина, посадили повара в котел с горячей водой. Несколько других подвыпивших пилотов сбросили с балкона девушку за то, что она отказалась танцевать с одним из них. А летчик Чертов угодил в штрафники за то, что в порыве ревности выстрелил прямо в закрытую дверь землянки и убил свою подругу.

Авиагруппа штрафников дислоцировалась недалеко от Андреаполя (на аэродроме Башарово) и воевала довольно успешно. А в октябре того же года была преобразована в полк асов, о чем тоже имеется отметка в личном деле И. Е. Федорова.

Став заместителем командира 269-й авиадивизии, И. Е. Федоров, по его словам, вновь собрал специальную группу, состоящую из девяти летчиков, вместе с которыми продолжал заниматься «свободной охотой» за линией фронта. После проведенной воздушной разведки эта группа, как правило, к вечеру пролетала над одним из немецких аэродромов и сбрасывала банку с грузом и запиской внутри, в которой немецким летчикам предлагалось провести поединок, причем строго по числу самолетов, прилетевших с советской стороны. Немцы принимали вызов и начинались воздушные дуэли. По словам Федорова только в этих дуэлях он одержал 21 победу, а свой самый удачный бой провел в небе над Восточной Пруссией в конце 1944-го, сбив сразу 9 «мессеров». Но, опять же, никаких документальных подтверждений этому не имеется.

Глава 4. Изнанка войны

1. «Нальем по чарочке, по нашей фронтовой...»

На войне полагались фронтовые 100 граммов водки¹³⁰. На сей счет Государственный комитет обороны принял 22 августа 1941 года соответствующее постановление¹³¹. С наступлением холодов водка стала жизненно необходимым «стратегическим» продуктом. За доведением положенной нормы довольствия до каждого бойца и командира строго следили и спрашивали. Например, распоряжение Военного Совета Западного фронта от 7 декабря 1941 года, подписанное Жуковым, Булганиным и Хохловым, обязывало членов военных советов армий лично и «немедленно взять в свои руки дело снабжения частей валенками и теплой одеждой, обеспечение другими видами довольствия, в особенности водкой и махоркой»¹³².

Как правило, в фильмах, песнях и стихах упоминают о фронтовых ста граммах с теплотой и любовью. Помните: «Нальем, дружок, по чарочке, по нашей фронтовой...». Однако, и бед натворила эта чарочка немало. Архивные документы бесстрастно зафиксировали многочисленные факты произошедших на почве непомерного пьянства происшествий и преступлений, нередко отличавшихся особой изощренностью и жестокостью.

В обзоре судимости начальствующего состава (от среднего и выше) Красной Армии за 1942 год подчеркивалось, что в «1942 г. преобладающим видом преступности среди начсостава были самочинные расправы с оружием над подчиненными, наряду с преступлениями, связанными с пьянством...»¹³³.

Карали сурово, невзирая на звания и боевые заслуги.

Младший лейтенант Н. Ф. Соломахин (в наградных документах – Саломахин) был удостоен звания Героя Советского Союза в ноябре 1943 года за бои на Керченском полуострове. Злоупотребляя этим высоким званием, он начал пьянствовать, постоянно устраивал дебоши в общественных местах. 23 апреля 1944 года, гуляя в непотребном виде по одной из улиц города Днепропетровска, он беспричинно открыл стрельбу и застрелил пятилетнюю девочку. Замяли. Но в том же месяце в доме культуры он снова открыл стрельбу и сорвал танцевальный вечер. А в мае выстрелами в кинотеатре сорвал демонстрацию фильма.

29 мая 1944 года военный трибунал 8-й отдельной запасной стрелковой бригады осудил Соломахина к 10 годам лагерей, лишил его воинского звания и возбудил перед Президиумом Верховного Совета СССР ходатайство о лишении его звания Героя¹³⁴. Позднее к отбывавшему наказание Соломахину была применена отсрочка исполнения наказания и его направили рядовым на фронт. Победу он встретил в Берлине. А в конце 1945 года был во второй раз осужден военным трибуналом 143-й стрелковой дивизии по ч. 2 статьи 153 УК РСФСР (изнасилование) на 6 лет исправительно-трудовых лагерей.

Аналогичная история произошла с Героем Советского Союза старшим сержантом Д. М. Штодой. В июле 1945 года, находясь в состоянии алкогольного опьянения, он оказал сопротивление патрулю комендатуры и при этом открыл стрельбу из пистолета. А в следующем месяце на рынке в Проскурове, также будучи пьяным, снова устроил стрельбу, убив женщину

---

¹³⁰ Приложение №2 к главе 4.

¹³¹ Постановлением ГКО №1889сс от 6 июня 1942 г. ежедневная выдача водки была сохранена «только для тех частей, которые ведут наступательные операции».

¹³² ЦАМО РФ. Ф. 326. Оп. 5045. д. 4. Л. 10.

¹³³ Архив Управления военных трибуналов, наряд без номера (Приложение №1 к главе 4).

¹³⁴ Архив военной коллегии. Оп. 1. Д. 285. С. 92 Доклад председателя военного трибунала Харьковского военного округа.

и инвалида войны. 15 сентября 1945 года состоялось судебное заседание военного трибунала Проскуровского гарнизона, который приговорил Д. М. Штоду к 10 годам лагерей...

Согласно секретной справке, составленной на Юго-Западном фронте батальонным комиссаром Мягких, с сентября 1941 года по 16 февраля 1942 года в городе Воронеже партийная комиссия рассмотрела 241 персональное дело. Причем большинство коммунистов было исключено из партии именно за пьянство. В этом документе, в частности, отмечалось:

«...Характерно, что военный комиссар дивизии Л. систематически пьянствовал и мало уделял внимания руководству. В результате чего ПК при ПУ ЮЗФ¹³⁵ исключено за дезертирство 10 человек из этой части, т. е. 60% всех исключенных за служебные проступки... Характерен факт по командиру роты М., политруку У., которые при следовании по служебным делам в паровозной будке организовали пьянку и споили машиниста паровоза З., а когда паровоз заглох, они его выбросили с паровоза и застрелили. Политрук Б., напившись пьяным, начал проверять работу кухни и за неизготовление 2-го блюда повел на расстрел дежурного по части сержанта В. Расстрел был предотвращен подоспевшим командиром части»¹³⁶.

Ответственный секретарь той же парткомиссии полковой комиссар Добряков докладывал 10 марта 1942 г. начальнику политуправления дивизионному комиссару Галаджеву:

«Наиболее характерным является дело на члена ВКП (б) Х., военкома 564 стрелкового полка 195 СД 5 армии. Х. скрыл от ПК то, что он вместе с командиром капитаном Р. систематически пьянствовал на командном пункте, открывал бесцельную стрельбу из автомата и дело дошло до того, что в сторону стрелявшего в пьяном виде из автомата военкома Х. командир полка Р. бросил две гранаты, думая, что стреляют немцы. Кроме того, и военком Х. и командир полка Р. не выполнили приказа командования по прикрытию полком отходящих частей и 4 дня отсутствовали в полку. Военком Х. исключен из партии»¹³⁷.

Сейчас уже трудно установить, кто из этих лиц пошел под трибунал. А вот следующий пример приводится из вынесенного после суда приказа войскам 37-й армии от 17 мая 1944 года №00191 «О мерах борьбы с чрезвычайными происшествиями и аморальными явлениями среди офицеров»

В приказе говорилось следующее. Командир 96-й отдельной разведроты 92-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии старший лейтенант Чунин 6 апреля 1944 года получил приказание выдвинуться с ротой на высоту 127,9 для уничтожения отходящей группы противника. Вместо этого он стал пьянствовать с гражданскими лицами и только 7 апреля в 2 часа дал соответствующую команду командиру взвода младшему лейтенанту Яковлеву. Яковлев был также пьян, довел бойцов до населенного пункта и отдал приказание остановиться там на отдых. Боевая задача не была выполнена.

Кроме того, благодаря попустительству Чунина и Яковлева, их подчиненные, в их присутствии «использовали в половом отношении хозяйку квартиры, предварительно напоив ее мужа»¹³⁸.

О масштабах распространения пьянства на флоте можно судить по следующим фактам, имеющим место в апреле-мае 1943 года, которые приведены в докладе начальника политотдела бригады подводок Балтийского флота капитана 2 ранга Кабанова «О состоянии бригады подводных лодок КБФ»:

«а) Аморальные явления. Случаи пьянства:

¹³⁵ Партийная комиссия при политическом Управлении Юго-западного фронта.

¹³⁶ Цит. по книге — Скрытая правда войны: 1941 г. неизвестные документы. М. Русская книга. (ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 213. Д. 40, Л. 28—31. 1992).

¹³⁷ Там же (ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 213. Д. 40. Л. 9—12).

¹³⁸ Архив военной коллегии. Оп. 1. Д. 285. Л. 436.

1. Мыльников – капитан 3 ранга, командир ПЛ С-9, систематически пьянствует, проявляет грубость к старшим. В течение мая м [есяц] а не менее 5 раз замечен в нетрезвом виде, и даже во время выхода на погружение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.